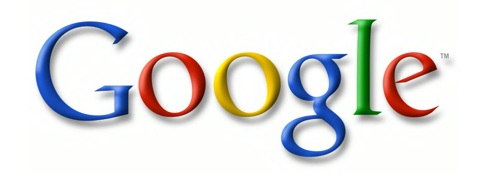
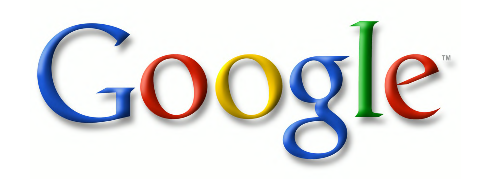
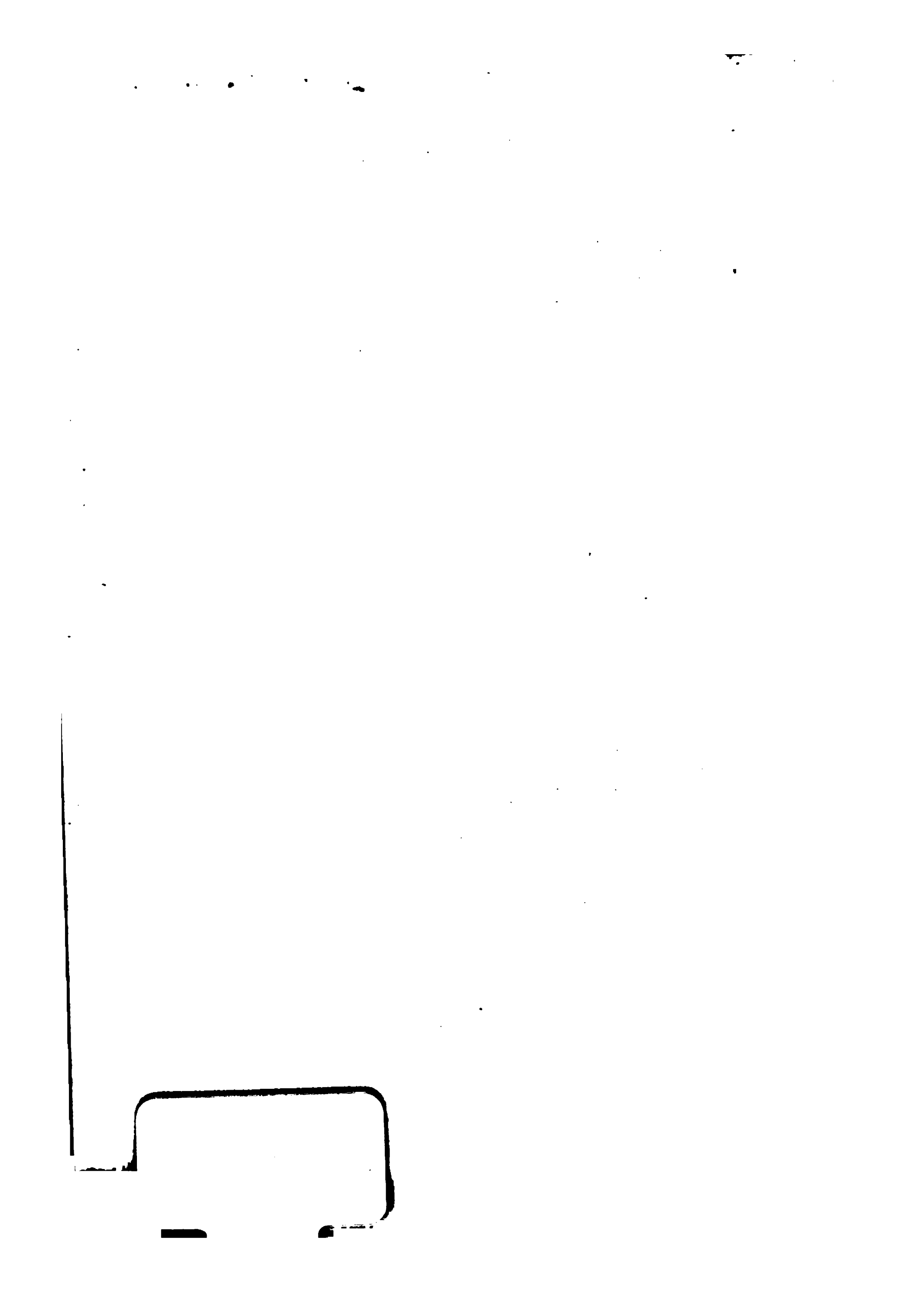

Дорогому моему, любимому дру
на крѣпкую память......
Авторъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1889.

Дозволено цензурою, Спб. 8 Марта 1889 г.
Типографія «Петерб. Газеты», Владимірскій пр. № 12.

А. Н. Б.

ВНИЗЪ ПО ТЕЧЕНІЮ.

Посмотри, какъ потокъ
Увлекаетъ челнокъ:
Колыхаясь, покорный волненью,
Челнъ летитъ, стороной
Наклоняясь одной
И спускаяся внизъ по теченью.

Совершая свой путь,
То готовый нырнуть,
То опять по волнѣ подымаясь,
Извиваясь, какъ змѣй,
Онъ быстрѣй и быстрѣй
Исчезаетъ, въ волнахъ окунаясь.

Но когда тишина
Воцарится, волна
Успокоится,—будто стремленье
Челнъ на время прервалъ,
И лишь рядъ темныхъ скалъ
Выдаетъ его бѣгъ по теченью.

По потоку временъ
Жизни челнъ увлеченъ
И коль буря надъ нимъ разыграется,—
Той кичливой волной,
Что зовется тоской,
Онъ какъ будто быстрѣй увлекается.

Если-жь счастіе вдругъ
Улыбнется, мой другъ,—
Незамѣтны часы и мгновенія;
Но вѣдь времени летъ,
Счастья челнъ унесетъ,
И умчитъ его внизъ по теченію.

Навѣяно стихомъ «For ever never»
Byron.

Я въ комнаткѣ моей порою
Всю ночь, не закрывая глазъ,
Сижу и слышу,—за стѣною
Часы считаютъ чередою
За часомъ часъ, за часомъ часъ!

И, мыслью въ вѣчность убѣгая,
Въ раздумье я впадалъ не разъ,
Мой умъ, какъ стрѣлка часовая,
Все мѣритъ, кругъ свой совершая
За часомъ часъ, за часомъ часъ!

И мысль подъ маятникъ твердила:
Предѣлъ вѣковъ сокрытъ отъ насъ;
Гдѣ потонуло всё что было?
А тамъ, ужель сулитъ могила
За часомъ часъ, за часомъ часъ?

Но въ кругѣ томъ неудержимо,
Быстрѣй и дальше мысль неслась
И вихремъ жизнь промчалась мимо.
А тамъ несутся такъ незримо
За часомъ часъ, за часомъ часъ!

Но, Боже! утренней зарею
Зажглася высь. Огонь погасъ.
Проснулся я; а за стѣною
Часы считаютъ чередою
За часомъ часъ, за часомъ часъ.

Коль дѣды и отцы любили,
Коль сердце жадное казнить
Они потомство не учили...
Такъ отчего-жь намъ не любить?

Коли отецъ и дѣдъ умѣли
Искусно лирою владѣть,
Коль жизнь въ стихахъ они воспѣли,
Такъ отчего-жь и мнѣ не пѣть?

БЕРЕЗОВАЯ АЛЛЕЯ.

Къ рѣкѣ, черезъ поля, изъ сада
Аллея длинная ведетъ,
Березъ высокихъ колоннада
Надъ ней сплела зеленый сводъ.

Ты помнишь, какъ по ней гуляя,
Болтали, пѣли мы съ тобой,
И, какъ о дѣтствѣ вспоминая,
Его жалѣли мы порой?

А въ будущемъ, коль будемъ живы,
Коли сойдемся тамъ опять,
Ужь жизни юной переливы
Съ тобой мы будемъ вспоминать.

Повѣетъ новою прохладой,—
О прошломъ намъ листва шепнетъ,
Что надъ высокой колоннадой
Сплела темнозеленый сводъ.

Зачѣмъ, зачѣмъ, о вдохновенье
Ты снова овладѣло мной
И вновь неясныя стремленья
Кипучей плещутся волной?

Зачѣмъ беру я снова лиру?
Мой скуденъ даръ, языкъ мой нѣмъ—
Что возвѣстить онъ можетъ міру?
Къ чему-жъ мученія, зачѣмъ?

Когда по тучѣ вдохновенья
Вдругъ мысль, какъ молнія, блеснетъ,
Зарница слабая въ твореньи
Грозу души передаетъ.

И грезами остались грезы,
И замеръ стихъ недовершонъ,
Какъ не пролившіяся слезы,
Иль какъ не вырвавшійся стонъ...

Я измученъ тоской,
Мнѣ разлука не въ мочь,
Но опять я съ тобой,
О красавица-ночь!

Я мгновенье ловлю,
Когда все въ мирномъ снѣ,
И тебя лишь люблю,
И горю какъ въ огнѣ.

И дыханьемъ твоимъ
Упиваюся я,
И, любовью томимъ,
Я люблю лишь тебя!

И твоя тишина
О любви говоритъ,
И съ улыбкой луна
На свиданье манитъ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ З.

То было не въ саду, гдѣ лучшія дотолѣ
Воспоминанія оставилъ я мои;
Въ дубравѣ было той, что близь роднаго поля,
Гдѣ пѣли соловьи.

И не была она одѣта въ цѣнной ткани,
Не бархатомъ обвитъ ея былъ гибкій станъ,—
Она передо мной стояла въ сарафанѣ
(Къ ней шелъ такъ сарафанъ)!..

Такъ искренно тогда я ею увлекался
Вдали отъ жизни свѣтской, взбалмошной, пустой,
Такъ жадно взглядомъ въ взглядъ застѣнчивый впивался
Крестьянки молодой.

И вотъ, оставивъ край, гдѣ жилъ я на привольѣ,
Гдѣ знойные такъ быстро убѣгали дни,
Я мысленно брожу въ той рощѣ, что близъ поля,
Гдѣ пѣли соловьи.

Подъ моимъ окномъ
Громко пѣлъ соловей
И я слушалъ его,
И я думалъ о ней.

Онъ напомнилъ мнѣ
Пѣсней звонкой своей
Время прошлое,
Съ нею прожитыхъ дней.

Чувство прежнее
Разгорѣлось вновь,
Разбудилъ соловей
Забытую любовь.

Сердце билося
Все сильнѣй и сильнѣй,
А въ саду подъ окномъ.
Звонче пѣлъ соловей.

ЕВАНГЕЛІЕ ОТЪ ІОАННА

Глава I ст. 1 до—XII.

Въ началѣ было слово и слово было у Бога и слово было Богъ.

Все чрезъ Него произошло
И безъ Него ничто не стало,
И жизнью Слово возсіяло,
И свѣтъ на землю пролило.
И не объяла тьма Его;
Но этотъ свѣтъ разсѣялъ тьму
И мракъ лучемъ своимъ разсѣкъ.
Былъ посланъ Богомъ человѣкъ
И имя Іоаннъ ему.
Онъ для свидѣтельства пришелъ,
Чтобъ Свѣтъ тотъ людямъ указать,
Чтобъ Вѣру въ сердце ихъ вселять,
Какъ Богомъ избранный посолъ,
Дабы исполнить свой завѣтъ,
Онъ посланъ былъ,—но не былъ свѣтъ.

Былъ Свѣтъ, Свѣтъ истинный, лучей
Его—слѣды во всей вселенной,
Свѣтъ, просвѣщающій людей,
Грядущихъ въ міръ, Имъ возрожденный,
И межъ людей Онъ засвѣтилъ
И въ мірѣ не былъ познанъ ими,
И вотъ своихъ Онъ посѣтилъ...
И не былъ принятъ Онъ своими.

Въ обширномъ просторѣ безбрежнаго моря
Несется волна за волною;
Одинъ лишь утесъ въ необъятномъ просторѣ
Стоитъ съ обнаженной главою.

Давно онъ стоитъ, одинокій, безмолвный,
Вѣка провожая вѣками.
Къ утесу толпою шумящія волны
Подходятъ, вздымаясь хребтами.

И вдругъ, налетѣвши на островъ скалистый,
И къ верху по камню взбираясь,
Лишь къ небу бросаютъ свой отплескъ лучистый
И падаютъ, съ моремъ сливаясь.

И гибнутъ безумно волна за волною,
Разбиты о камни сѣдые:
Такъ опытъ встрѣчаетъ мечту за мечтою,
Такъ рушатся сны молодые.

Н. Л. О.

Такъ принужденъ я безусловно
Теперь поэтомъ истымъ быть,
И первымъ вамъ, Надежда Львовна,
Мой трудъ убогій посвятить.

Но даръ мой классиковъ изводитъ,
И Боже! мой талантъ таковъ,
Что лишь въ разсольникѣ находитъ
Онъ вѣтки лавровыхъ листовъ.

ДОРОГА.

Дай дороженькѣ простору!
Въ даль змѣей она ушла,
Поле пестрое и горы
Длинной лентой обвила.

То дремучимъ дикимъ лѣсомъ
Пробирается она,
Гдѣ надъ ней густымъ навѣсомъ
Поразвѣсилась листва.

Въ поле вышла, безконечной
Развернулась полосой
И ушла къ границѣ вѣчной
Неба съ матушкой землей.

Гдѣ конецъ ея,—Богъ знаетъ;
Кто къ концу ея проникъ?
Пѣснью звонкой оглашаетъ
Другъ ея, лихой ямщикъ.

Вотъ вспылилася дорога,
Мелкой рысью тройка шла,
То обратный былъ, Серега,
Изъ заволожскаго села.

Развалился онъ въ телѣгѣ,
Въ головы рогожу смялъ,—
Русскій непривыченъ къ нѣгѣ,
Радъ тому, что Богъ послалъ.

Шапка на бекрень надѣта,
Весь въ пыли армякъ худой...
Жарокъ день сухаго лѣта,
Солнце жжетъ надъ головой.

Что задумался, Серега?
Не жара-ли доняла?
Аль дороженька убога
И телѣга растрясла?

Или тройка не лихая
Для ямщицкой головы?
Не рысиста коренная,
Аль пристяжки не рѣзвы?

Иль не звонко подъ дугою
Твой звенитъ колоколецъ?
Что ты пѣснею лихою
Не зальешься, молодецъ?

Посмотри, какъ день сіяетъ,
Чуть шумитъ зеленый лѣсъ,
Пой и все тебѣ внимаетъ
Отъ земли и до небесъ!..

Нѣтъ, теперь не до забавы,
Не до пѣсенъ, не замай!
Не шуми ты, мать дубрава,
Думу думать не мѣшай!

Вспомнить не мѣшай былое,
Что какъ пыль изъ подъ колесъ
Съ непонятной быстротою
Вѣтеръ времени унесъ.

Жить еще осталось много,
А и жизнь-то не мила:
Жизнь—неровная дорога,
Что змѣею вдаль ушла.

Не до пѣсенъ знать Серегѣ,
Грустно смотритъ онъ впередъ,
Злое горе по дорогѣ
Ѣдетъ съ нимъ, не отстаетъ...

Чтожъ? аль тройка не лихая,
Или чортъ въ ней не живетъ,
Или, горе обгоняя,
Не обгонитъ, не уйдетъ?

Или мало въ ней провору,
Иль не разнесетъ тоску?
Дай дороженькѣ простору,
Дай раздолья ямщику!

Эхъ-ма! гикнулъ вдругъ Серега,—
Гей, прохожій, сторонись!
Поле, камни и дорога
Подъ телѣгой понеслись.

Кони задали потѣху,
Застоналъ колоколецъ,
Засмѣялся дикимъ смѣхомъ...
И зашолся наконецъ.

Гой вы, кони, мчитесь смѣло!
Гой вы... замеръ духъ въ груди,
Вдругъ въ глазахъ все потемнѣло,
Мысль осталась позади....

. . . .

Видно за версту задѣли,
Какъ случилось—знаетъ Богъ,
Только кони улетѣли,
А Серега тутъ и слегъ.

Важно горе обогнали!..
Колокольчикъ замолчалъ,
Всю телѣгу разщипали
Кони. День ужь догоралъ.

И закатъ озолотился.
Въ выси нѣжно голубой
Златотканыхъ уносился
Легкокрылыхъ тучекъ рой.

А Серега мой сердечный
При дорогѣ все лежалъ,—
Безпредѣльный, безконечный
Неба сводъ надъ нимъ сіялъ.

Тѣ-жь дороженьки изгибы
Извивались по песку...
Кони добрые, спасибо,
Вы размыкали тоску!

Д. В. В.

Колеблясь, ложились прозрачныя тѣни,
Задумчивый вечеръ былъ ясенъ и тихъ
И кротко межъ липовой трепетной сѣни
Проглядывалъ блѣднаго мѣсяца ликъ.

И мирно, и чудно... природа ночная
Забылася въ грезахъ, но жизни полна
И, кажется, будто какъ дѣва младая,
Когда та впервые еще влюблена, —

Въ минуты свиданій застѣнчиво млѣетъ,
Горитъ подъ лобзаніемъ страстнымъ она, —
Такъ чудной стыдливостью ночь эта вѣетъ
И вся аромата и нѣги полна.

И аромать, и шепоть сада,
И сумракъ липовыхъ аллей,
И ночи нѣга и прохлада,
И звонко-дремлющій ручей...

Луны дрожащее сіянье,
Въ кустахъ сирени — соловьи,
И прелесть перваго свиданья
Младой, довѣрчивой любви...

И поцѣлуя упоенье,
И томный отблескъ милыхъ глазъ,
И жизни пасмурной забвенье,
И счастья свѣтлый, краткій часъ...

На западѣ закатъ и на небѣ луна...
И вечеръ не ушелъ, и ночь не наступила;
И въ дымкѣ голубой прозрачной, легкокрылой,
Дрожатъ еще огни мерцающаго дня...

И здѣсь—лазурь небесъ; тамъ—звѣздочка зажглась...
И свѣта вечера и мглы ночной отливы,
Ихъ сочетаніе, борьба и переливы—
Не вечеръ и не ночь... но странный, чудный часъ...

День кончился давно. Темнѣетъ небосклонъ.
Сверкаютъ изрѣдка далекія зарницы.
Вечерній вѣтерокъ доноситъ дальній звонъ.
Безшумно носятся полу́ночныя птицы

И тихо все кругомъ... Молчитъ тѣнистый садъ;
При вздохѣ вѣтерка едва между собою
Листы таинственно о чемъ-то говорятъ
И все проникнуто вокругъ душистой мглою...

Дымяся, чуть журчитъ безсонная рѣка;
Чуть шелеститъ камышъ надъ чуткою волною;
По небу медленно какъ тѣни облака
Скользятъ жемчужною, волнистою грядою...

И тихо все кругомъ... И миръ, и тишина...
Сонмъ безмятежныхъ звѣздъ трепещетъ и мерцаетъ
И томно-блѣдная, холодная луна
Сквозь дымку облаковъ, безстрастная, сіяетъ..

Волшебный міръ лазурной южной ночи...
Роскошный, страстный міръ, что̀ чувствуешь душой,
Что̀ сердце жжетъ огнемъ и покоряетъ очи,
И грудь тѣснитъ счастливою слезой..

Ночь той страны, гдѣ море подъ луною
И млѣетъ, и дрожитъ серебряной волной,
Гдѣ лавръ и кипарисъ могучею главою
Раскинулись и спятъ въ лазури голубой...

Какъ статуя, въ листвѣ темно-зеленой,
Подъ мѣсяца сіяющимъ лучемъ
Стоитъ она у мраморной колонны,
Прекрасна какъ мечта, въ отчаяньи нѣмомъ.

Взоръ чудныхъ глазъ, подернутый слезами,
Куда-то далеко, задумчиво глядитъ
И лютня на землѣ съ умолкшими струнами —
Нѣмая на всегда — у ногъ ея лежитъ...

И въ этотъ мигъ, когда въ огнѣ забвенья
Все дышетъ нѣгою и въ грезахъ яркихъ спитъ, —
Въ невѣдомой тоскѣ душевнаго мученья
Унылый видъ ея, какъ будто, говоритъ,

Что, можетъ быть, на этой самой лютнѣ,
Разбитой, брошенной, съ тревогою минутной,
Съ надеждой трепетной, съ волненіемъ въ крови —
Восторгомъ прозвучалъ и оборвался смутно
Послѣдній гимнъ ея любви...

НА СМЕРТЬ М. В — ЦЪ.

...Rose, elle a vecu ce que vivent les roses,
L'espace d'un matin...
Malherbe.

Встрѣчали-ль вы въ лазурномъ небѣ мая
Блескъ нѣжный розовой зари?—
Такъ въ радостномъ кругу семьи
Зажглася жизнь ея младая...

Слѣдили-ль вы, какъ, роза разцвѣтала,
День-ото-дня роскошнѣй и пышнѣй?—
Въ цвѣткѣ Ш — скихъ полей
Такъ жизнь цвѣла и ликовала...

Видали-ль вы, какъ, хищникъ безпощадный,
Надъ голубкомъ все ближе и вѣрнѣй
Кружится ястребъ?—Такъ надъ ней
Носился призракъ смерти хладной...

Видали-ль вы, — свой образъ измѣняя,
Днемъ вешнимъ таютъ облака?
Полураскрытаго цвѣтка
Такъ жизнь угасла молодая

И, сбросивъ гнетъ земнаго тѣла,
Какъ ароматная струя
Душа безгрѣшная ея
На лоно Бога отлетѣла...

NOCTURNO.

Серебристая даль... тихій ропотъ волны...
Теплый вздохъ вѣтерка надъ водою...
Мы плывемъ, мы скользимъ въ мягкомъ блескѣ луны,
Въ свѣтлыхъ грезахъ любви — мы забвенья полны
Подъ душистою дымкой ночною...

Кротко звѣзды горятъ... берегъ слился вдали...
Серебрится волна подъ луною...
Въ ароматной тиши чуть звенятъ соловьи...
Мы вдвоемъ, мы одни — въ свѣтлыхъ грезахъ любви
Подъ душистою дымкой ночною...

Въ улыбкѣ радостной весенняго привѣта,
Роскошна и свѣжа, какъ юности мечта,
Земля проснулася, любовію согрѣта,
Одѣлась въ яркіе, нарядные цвѣта.

И жизнь во всемъ кипитъ съ неудержимой силой,
И люди, и весь міръ отрадою полны, —
Зачѣмъ-же на́-сердцѣ такъ смутно и уныло
На свѣтломъ праздникѣ ликующей весны?

Зачѣмъ душа горитъ мучительно-тревожно
Подъ жгучей горечью нахлынувшей волны?
Зачѣмъ-же въ ней встаютъ толпою безнадежной
Когда-то милые, обманутые сны?

Надъ выжженной страной несутся грозно тучи,
Раскатомъ громъ гремитъ, зигзагами вдали
Зловѣщей молніи сверкаетъ огнь летучій, —
Но въ небѣ нѣтъ дождя для алчущей земли...

Надъ головой моей — внѣ ласки и участья —
Тьма безпросвѣтная вокругъ и впереди..
Сомнѣньемъ сдавленъ умъ... Душа полна ненастья...
И нѣтъ отрадныхъ слезъ въ измученной груди...

О, Боже мой, прости мнѣ мигъ сомнѣнья,
Въ печали часъ духъ павшій оживи,
Влей въ сердце, полное лукавыхъ заблужденій,
Ученье чистое смиренья и любви...

Дай силу побороть души моей тревогу,
Смири строптивый духъ въ младой моей груди,
Дай выйти изъ-лѣсу на свѣтлую дорогу
И, слабому, мнѣ пасть не дай среди пути...

Дай въ мирѣ встрѣтить смерти часъ суровый
Съ надеждою, безъ страха и стыда, —
Дозволь мнѣ, Господи, сложить мой крестъ тяжелый
Къ ногамъ Спасителя Христа.

La pompe des enterrements regarde plus la
vanité des vivants que l'honneur des morts.

Въ измученную грудь покоя сердце проситъ,
Но тщетно я его отъ жизни пылкой жду;
Ея волненіе забвенья не приноситъ,
А смерть отрадную напрасно я зову...

Не на кичливомъ кла́дбищѣ столицы шумной,
Не въ пышномъ мраморѣ торжественныхъ могилъ
Забылъ-бы я тоску и гнетъ судьбы безумной
И сердцемъ трепетнымъ безропотно почилъ...

Тамъ все подчинено холодному закону,
Тамъ все обведено приличія чертой
Отъ надмогильнаго и родственнаго стона
До эпитафіи напыщенно-пустой...

Тамъ лицемѣрія полны родныя лица
И слезы, и слова, и проблески скорбей,
И ложью жалкою проникнуты гробницы,
Ненужной роскошью рисуяся своей...

. . . .

На скромномъ, сельскомъ я хотѣлъ-бы спать кладбищѣ,
Въ прохладѣ сумрачной развѣсистыхъ вершинъ,
Среди родныхъ полей, — гдѣ все свѣжѣй и чище,
Гдѣ тихій сонъ могилъ ничѣмъ не возмутимъ;

Гдѣ-бъ не былъ сдавленъ я тяжелою плитою,
Гдѣ мирно крестъ простой стоялъ-бы надо мной...
Хотѣлъ-бы я уснуть цвѣтущею весною, —
Чтобъ все сказало мнѣ о жизни неземной.

ВЪ БЛЕСКѢ ЛУННОМЪ.

Per amica silentia lunae..
Virg.

(посвящается матери).

Полночь пламенной Эллады...
Озаренная луной,
Гордо высится Паллада
Надъ Эгейскою волной...

Въ нѣгѣ томно-серебристой,
Волны чуткія смиривъ,
Дремлетъ зыбкій и искристый
Сароническій заливъ.

Въ очертаньяхъ прихотливыхъ,
Въ дымкѣ мѣсячныхъ лучей
Спятъ Аѳины горделиво,
Спитъ умолкнувшій Пирей...

Блѣдны, холодны и строги
Межъ безчисленныхъ колоннъ
Дремлютъ мраморные боги;
Храмы грезятъ вѣщій сонъ...

Спятъ въ забвеніи счастливомъ
Скалы, портики, сады;
Дремлютъ мирты и оливы,
Дремлютъ тополей ряды...

Дышетъ пылкою отрадой
Ароматный міръ ночной...
На скалѣ стоитъ Паллада
Надъ Эгейскою волной.

И подъ вешнею дремотой
Ей одной лишь не уснуть...
Что-то нѣжитъ, гложетъ что-то,
Мучитъ дѣвственную грудь...

Чувствъ полна неуловимыхъ,
Грезъ невѣдомыхъ полна,
Разобраться въ нихъ не въ силахъ,
Не пойметъ себя она..

И, предчувствіемъ томимо,
Сердце ноетъ и кипитъ
И въ тоскѣ неизъяснимой
Грустно вдаль она глядитъ...

Передъ ней заливъ струится
Съ нѣжнымъ трепетомъ волны
И дрожитъ, и серебрится
Подъ лобзаніемъ луны...

Вдругъ богини свѣтлоокой
Взоръ покрыла полу-мгла:
Она видитъ челнъ далекій,
Слышитъ тихій плескъ весла...

Легкой тѣнью челнъ несется
Подъ могучею рукой;
За кормою море вьется
Серебристою струей.

Мореходецъ незнакомый
Блескомъ мѣсяца залитъ:
Въ ясныхъ латахъ онъ, въ шеломѣ;
Мечъ у пояса блеститъ...

Красотой—соперникъ Феба,
Такъ онъ строенъ и хорошъ,—
Свѣтелъ онъ какъ житель неба;
Онъ на смертныхъ не похожъ...

И съ тревогою пытливой
На него она глядитъ...
Подъ рукой нетерпѣливой
Быстрой птицей челнъ летитъ...

Воздухъ берега ночнаго
Будитъ отзывомъ челнокъ
И съ разбѣга удалаго
Звучно врѣзался въ песокъ...

И пловецъ подъемлетъ очи,
Торопливо къ ней идетъ
И Аѳина въ гостѣ ночи—
Бога Марса узнаетъ...

Безотчетно-боязлива
И смущенія полна,
Ланью робкой и пугливой
Скрыться думаетъ она,—

Но ужь онъ съ улыбкой ясной
Ея руки нѣжно жметъ,
Его голосъ—шепотъ страстный—
Искушая, сердце жжетъ:

—«Вешней ночью, въ блескѣ лунномъ
«Грезы вѣщія царятъ...
«Сномъ блаженнымъ, вѣчно-юнымъ
«Царь Италіи объятъ...

«Съ вѣрой свѣтлой, съ вѣрой сладкой,
«Челнъ направя по волнамъ,—
«Я покинулъ Римъ украдкой,
«Чтобы пасть къ твоимъ ногамъ...

«Я покинулъ Капитолій,
«Чтобъ сказать тебѣ: люблю;
«Я не въ силахъ вынесть долѣ
«Муку жгучую мою...

«Я люблю тебя, богиня,
«Пылко, страстно, горячо
«И, клянусь тебѣ,—донынѣ
«Не любилъ я такъ еще...

«Посмотри,—передъ прелестной,
«Предъ тобой, любовь моя,
«Какъ послѣдній жалкій смертный
«Я безъ воли,—внѣ себя...»

Подъ слова его живыя
Новыхъ чувствъ она полна
И огнемъ любви впервые
Грудь богини зажжена...

И напрасно умъ ревнивый
Тайну сердца стрежетъ,
Первый шагъ любви стыдливой
Трепетъ персей выдаетъ...

А вокругъ нихъ—міръ полночный
Въ красотѣ своей живой,
Вторя сердцу, какъ нарочно,
Дышетъ нѣгой огневой...

И темнѣетъ взоръ прекрасный,
Щеки пламенемъ горятъ,
А надъ ухомъ шепотъ страстный
Вновь вливаетъ въ сердце ядъ:

—«Пощади меня, Паллада,
«Духъ мой павшій оживи,
«Въ поцѣлуѣ, въ ласкѣ взгляда
«Ты открой мнѣ рай любви...

«Посмотри,—передъ тобою
«Рощи, скалы и зефиръ,
«Море съ блѣдною волною,
«Вся природа и весь міръ, —

«Все такъ полно совершенства,
«Черезъ край все жизнью бьетъ,
«Все сулитъ любви блаженство
«И насъ къ счастію зоветъ»...

Грудь Аѳины замираетъ,
Кровь пылаетъ горячѣй,
Сердце млѣетъ, сердце таетъ,
Подъ соблазнъ живыхъ рѣчей...

А вокругъ—благоухая,
Полнъ истомы міръ ночной.
Раздражая и лаская,
Въ грудь вливается волной

Розъ, лимоновъ и миндáля
Ароматная струя
И, томленьемъ сердце жаля,
Льется пѣсня соловья...

Грудь въ борьбѣ изнемогаетъ;
Отдаваяся мечтамъ,
Грудь отравою пылаетъ,
Сердце рвется пополамъ...

И безъ силъ, и безъ сознанья
Душу, молодость до дна—
Все слила въ одно лобзанье,
Въ поцѣлуй любви она...

. . . .

И, проснувшись ненарокомъ,
Притаясь между листовъ,—
Зритъ дріада томнымъ окомъ
Тайну пылкую боговъ...

. . . .

Чудной нѣгой полночь вѣетъ...
Подъ сіяніемъ луны
Міръ въ томленьи пламенѣетъ,
Розы запаха полны...

Въ нѣгѣ томно-серебристой,
Волны чуткія смиривъ,
Дремлетъ зыбкій и искристый
Сароническій заливъ.

Въ очертаньяхъ прихотливыхъ,
Въ дымкѣ мѣсячныхъ лучей
Спятъ Аѳины горделиво,
Спитъ умолкнувшій Пирей.

Блѣдны, холодны и строги
Между мраморныхъ колоннъ
Въ лунномъ блескѣ дремлютъ боги,
Храмы грезятъ вѣщій сонъ...

Мартъ, 88.

Старый Петергофъ.

ИНЧКЭПСКІЙ УТЕСЪ.

Шотландская легенда.

I.

Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ.

Не коршуновъ хищныхъ слеталась семья,
Не буря надъ моремъ сбиралась, —
Дружина Родольфа, шумя и гремя,
Въ обычный походъ снаряжалась.

Блестятъ ихъ колчаны, горятъ ихъ мечи,
Бѣгутъ востроносые струги,
Сверкаютъ щиты, отражая лучи,
Искрятся на солнцѣ кольчуги.

Свинцовою тучей скользя надъ водой,
Какъ рой саранчи безпощадной
Несутся они на грабежъ и разбой,
Надежды полны кровожадной.

Несутся они и отвагой кипятъ,
Преступною жаждою полны;
Подъ вѣтромъ попутнымъ ихъ струги летятъ
И пѣнятъ лазурныя волны,

Пируютъ пираты, несутся ладьи.
Въ чаду и утѣхахъ разврата,
Ихъ совѣсть коснѣетъ на днѣ ихъ груди
И сномъ непробуднымъ объята.

II.

Ни звука въ небѣ. Тишь нѣмая.
Лазурью блещутъ небеса,
Лазурью блещетъ гладь морская.
Недвижно виснутъ паруса

Надъ неподвижною ладьею.
Отбившись отъ подругъ, одна
Бѣлѣетъ чайка надъ водою
И ловитъ рыбу. Вотъ она,

Съ добычей въ вышину взлетая,
Ее роняетъ и слѣдитъ,
Какъ жертва, воздухъ разсѣкая
И извиваяся, летитъ,

На солнцѣ чешуей играя,
И быстро съ новою враждой,
Съ протяжнымъ крикомъ, чайка злая
За ней бросается стрѣлой

И снова ловитъ... И, небрежно
Взмахнувъ сверкающимъ крыломъ,
Мелькаетъ точкой бѣлоснѣжной
И тонетъ въ небѣ голубомъ...

Въ лазурномъ воздухѣ такъ тихо,
Такъ безмятежно море спитъ,
Что, сонный, на подводномъ рифѣ
Инчкэпскій колоколъ молчитъ...

Полнъ къ погибающимъ участья,
Святой аббатъ Абербротокъ
Его повѣсилъ. Въ день ненастья,
Когда приливъ бывалъ высокъ,

Гудитъ онъ, звучный, не смолкая,
Качаемъ вѣтромъ и волной,
Опасность грозную вѣщая.—
И, звонъ услыша роковой,

Пловцы утесы огибають
И благодарною душой
Они аббата прославляють
Молитвой жаркой и живой.

III.

По-нébу жемчужная цѣпь облаковъ...
Скользитъ, очертанья мѣняя,
И пѣной и брызгами зыбкихъ валовъ
Покрыта поверхность морская.

Изъ свѣтло-лиловой, туманной дали,
Подъ вѣтромъ на-бóкъ накреняся,
Всплываютъ, чернѣя, и мчатся ладьи
И волны, шумя и рѣзвяся,

На палубу плещутъ и гулко въ борта
Съ шипящими всплесками бьются
И, полные вѣтра, скрипятъ паруса,
И птицами струги несутся.

По палубѣ, молча, поникнувъ челомъ,
Родольфъ негодующій ходитъ
И взоръ его хмурый по-мóрю кругомъ
Съ угрюмой досадою бродитъ.

И вдругъ просвѣтлѣетъ онъ,—пристальный взглядъ
Внимательно вдаль устремляетъ
И снова, суровый, впередъ и назадъ
По палубѣ, молча, шагаетъ.

Пять дней уже въ морѣ кружатся они
Съ волнами въ борьбѣ непрестанной,
Кружатся, унынья и злости полны,
Не встрѣтивъ добычи желанной.

И мимо Инчкэпа ладьи ихъ бѣгутъ,—
И звонъ раздается на морѣ...
Родольфъ оглянулся; поднялася грудь;
Онъ вспрянулъ съ досадой во взорѣ.

— «Гей, лодку живѣе мнѣ!»—съ блескомъ въ очахъ
Воскликнулъ онъ, гнѣвомъ пылая...
И скачетъ челнокъ, и ныряетъ въ волнахъ,
Къ Инчкэпу свой бѣгъ направляя.

Родольфъ замахнулся... Трясется ладья:
Злорадостно рубитъ канатъ онъ —
И колоколъ падаетъ, мрачно гудя,
И тонетъ съ зловѣщимъ раскатомъ.

—«Отнынѣ», воскликнулъ онъ, злобно смѣясь,
«Пловцы подъ грозою жестокой
«Уже не прославятъ въ предсмертный ихъ часъ
«Тщеславнаго Абербротока!..»

И вдругъ замолчалъ онъ,—на море глядитъ
И радостно въ даль указуетъ:
«Купецъ», тяжело нагруженный на видъ,
Съ трудомъ между волнъ лавируетъ.

Въ веселья пираты оружьемъ гремятъ,
Ладьи на него направляютъ;
Ихъ черствыя груди отвагой кипятъ
И хищно ихъ взгляды сверкаютъ...

. . . .

И по-морю снова кружатся они,
Наѣзды удалые славятъ
И травятъ, и ловятъ купцовъ корабли,
И топятъ, и рѣжутъ, и грабятъ...

. . . .

. . . .

IV.

Глухая ночь... ни зги... Все скрыто черной мглой...
Трехдневный ураганъ, спадая, утихаетъ.
Въ обрывкахъ рыжихъ тучъ, разсѣянныхъ грозой,
Сверкаетъ молнія, порывомъ налетаетъ
Ненастный шквалъ и море, вновь разсвирѣпѣвъ,
И брызжетъ пѣною, и волны воздымаетъ,—
Какъ въ клѣткѣ дикій звѣрь, поднявъ ужасный ревъ
И стонетъ, и кипитъ, и бездны разверзаетъ.
Но тише бури шумъ... Въ ворчаніи глухомъ
Слабѣетъ ураганъ и море умолкаетъ...
Во тьмѣ ночной корабль, въ бореньи роковомъ,
Свои послѣднія усилья напрягаетъ.
Самъ рыцарь въ немъ Родольфъ и пятеро другихъ.
Въ тревогѣ и борьбѣ глазъ воспаленныхъ вѣжды
Давно сонъ не смыкалъ. Въ страданіяхъ живыхъ,
Съ отчаяньемъ въ сердцахъ, межъ страха и надежды
Скользя надъ пропастью по гребнямъ бурныхъ волнъ,—
Въ конецъ измучены разбойники лихіе...
Безъ мачтъ и безъ снастей, какъ бренный, утлый
челнъ,

Игрушкой жалкою разгнѣванной стихіи,
Межъ тысячи смертей, три ночи и три дня—
Остатокъ трепетный погибнувшей дружины —
Носился ихъ корабль, не слушаясь руля,
Взлетая нá-горы и падая въ пучины.

И вотъ ненастная рѣдѣетъ бури мгла...
Жестокая судьба надъ ними пошутила,
Сердца упавшія вновь вѣрою зажгла
И горестную грудь надеждой озарила;
Ужь пылкая мечта въ душахъ оживших ихъ
Рисуетъ хмѣль пировъ и женскія объятья...
Но вдругъ, какъ молнія, ударившая въ нихъ,
Какъ приговоръ судьбы, какъ Божіе проклятье,—
«Все конечно! Инчкэпъ!» раздался дикій крикъ...
Какъ много разныхъ чувствъ въ одномъ проснулось
звукѣ!..

...Толчокъ, ужасный трескъ, борьбы короткій мигъ,
Свистъ вѣтра, моря шумъ, проклятья, вопли муки—
Все въ воздухѣ слилось... Быть можетъ, въ первый разъ
Сердца ихъ дрогнули и страхомъ, и смущеньемъ;
Въ подавленной груди въ предсмертный грозный часъ
Вдругъ совѣсть вспыхнула внезапнымъ угрызеньемъ;
Быть можетъ, въ первый разъ суровый взглядъ бли-
сталъ

Слезой раскаянья, слезою покаянья
И въ трепетной груди впервые запылалъ
Весь ужасъ темныхъ дѣлъ, весь ужасъ злодѣянья.

Почти безъ памяти, въ отхлынувшей волнѣ
Отъ скалъ и корабля отброшенъ одиноко,
Родольфъ вдругъ вынырнулъ и вотъ, въ полночной
мглѣ,
Какъ лютой пыткою терзая грудь жестоко,
Несчастныхъ жертвъ его встаетъ кровавый рядъ...
Съ проклятьемъ на устахъ, съ тревогой и тоскою,
Невольнымъ трепетомъ, унынiемъ объятъ,
Товарищей зоветъ онъ съ гнѣвомъ и мольбою,
Но на призывъ его во тьмѣ ночной одни
Лишь волны въ скалы бьютъ ударомъ монотоннымъ...

И вдругъ—издалека, подъ нимъ, изъ глубины
Встаетъ протяжный гулъ, напѣвомъ похороннымъ
Разносится кругомъ, и крѣпнетъ, и ростетъ,
И, напрягая слухъ, въ немъ колоколъ Инчкэпа
Душой испуганной Родольфъ вдругъ узнаетъ...
Въ холодномъ ужасѣ, какъ сердца бредъ нелѣпый
Унылый этотъ звонъ онъ хочетъ заглушить,
Онъ борется съ волной, онъ умирать не хочетъ,
Преступные года клянется искупить
Добромъ грядущихъ дней,—а колоколъ хохочетъ...

И умъ мѣшается, и смерть предъ нимъ встаетъ...
Жизнь міра внѣшняго доносится все глуше
И что-то тянетъ внизъ, и давитъ, и гнететъ,
И волны лѣзутъ въ ротъ, и заливаютъ уши...
Безъ воздуха въ груди, безъ силъ и внѣ себя
Онъ тонетъ, и опять онъ борется съ волною,
И вновь идетъ ко дну... Холодная струя
И плескъ сомкнувшейся волны надъ головою,
И смутный шумъ въ ушахъ, и мракъ со всѣхъ сторонъ..

И кажется ему,—что смерть его вѣщая,
Трезвономъ радостнымъ смѣнился скорбный звонъ,—
Онъ разсыпается, давя и оглушая,
Надъ моремъ,въ глубинѣ, въ волнахъ и въ немъ самомъ,
Гудитъ раскатами въ взволнованномъ эфирѣ,
Гремитъ проклятіемъ, отмщеньемъ, торжествомъ,
Зловѣщей радостью грохочетъ въ цѣломъ мірѣ...

Ноябрь, 88.

И. У. П.

Б. В. Н.

УЕДИНЕННЫЕ ЦВѢТЫ.

(Подъ музыку Шумана).

Люблю встрѣчать въ лѣсу зеленомъ
Уединенные цвѣты
И ими въ сердцѣ усыпленномъ
Люблю рожденныя мечты.

Въ тѣни прохладенъ лѣсъ душистый,
Ручья струи вдали журчатъ,
И въ высотѣ своей тѣнистой
Деревья старыя шумятъ.

На мховомъ лонѣ изумрудномъ,
Прозрачны, грустны и блѣдны,
Они стоятъ въ раздумьи чудномъ
И грезятъ грезы, видятъ сны...

Такъ граціозно, такъ уныло
Качаются головки ихъ
И мнѣ благоуханье мило
Цвѣтовъ застѣнчивыхъ лѣсныхъ.

II.

Когда въ предѣлы откровенья
Твой взоръ духовный устремленъ
И жизнь твою въ одно мгновенье
Переливаетъ вѣщій сонъ,

Когда отдѣльныя стремленья
Соединяются въ одномъ,
Какъ снопъ лучей отъ преломленья
Соединяющимъ стекломъ, —

Бѣги людей! Одно дыханье
Безумной міра суеты—
И уничтожено созданье
Твоей восторженной мечты.

Небрежный звукъ, минутный шорохъ,
Едва раздавшійся въ тиши—
Онъ упадетъ, какъ искра въ порохъ,
Въ гармонію твоей души,

И только геній вдохновенья
Умчится бурно и свѣтло
И забѣлѣетъ на мгновенье
Его спаленное крыло.

III.

Нечеловѣческимъ лишеньемъ успокоенъ,
Былъ древле Моисей Владыкой удостоенъ
И на таинственной Хоребской высотѣ
Явился Богъ его восторженной мечтѣ.
Видѣнье дивное душею созерцая
И наслажденіе нездѣшнее вкушая,
Изъ Божихъ рукъ пріялъ скрижали Моисей,
Спасенье и завѣтъ Израиля дѣтей.
И се, надъ головой простертыми руками
Неся ихъ, осіянъ небесными лучами
Восторга чуднаго, спускался онъ съ горы.
Ужь забѣлѣлися Израиля шатры.
Онъ внемлетъ музыку псалтири и тимпана,
И плескъ, и шумъ—и зритъ златаго истукана;
Предъ нимъ, тіарою и ризой облаченъ,
Съ мольбой насильственной склонялся Ааронъ,
А вкругъ людей толпы скакали и плясали...
И въ гнѣвѣ Моисей разбилъ свои скрижали.

IV.

О, если можешь ты молиться,
Молись: недологъ счастья сонъ.
Мгновенье быстро, быстро мчится;
Еще быстрѣе мчится онъ.

Въ твоихъ глазахъ блаженства слезы,
Ты такъ прекрасна и чиста...
О, мимолетны счастья грезы:
Молись теперь—иль никогда!

V.

Онъ сказалъ: передъ небомъ клянусь и землей,
Всѣхъ страданій моихъ—я одинъ былъ виной,

Потому ихъ безмолвно въ груди хороню,
И за горе свое никого не виню.

Еслибъ даже, надломленъ упорной борьбой,
Иль въ пяту уязвленъ подколодной змѣей,

Я томился, горѣлъ, и болѣлъ, и страдалъ, —
Изъ одной бы ужь гордости строго молчалъ.

Никому-бъ не сказалъ, никого-бъ не винилъ,
Даже имя врага-бы съ собой схоронилъ!

VI.

Онъ сказалъ: я клянуся сіяньемъ зари,
У великихъ мужей добродѣтелей три.

Вѣрить въ силы свои — добродѣтель одна:
Весь [illegible] и [illegible], и крѣпость она.

Вѣрить въ будущность — доблесть вторая [illegible]
Тотъ преградъ [illegible] не [illegible], кто свѣтлое [illegible]

Третья доблесть — упорный, настойчивый трудъ:
Счастливъ тотъ, въ комъ онѣ неразрывно живутъ!...

VII.

Онъ сказалъ: я клянусь умиленьемъ моимъ,
Вы къ блаженству придете познаньемъ однимъ.

Юный другъ, вѣчно мудрости бойся чужой,
Но размысли, что въ міръ ты приносишь собой.

Это первое слово познанье тебѣ;
А второе:—своей господинъ ты судьбѣ.

Ты не властенъ счастливымъ, страдающій, стать,
Но ты можешь трудится и рабски роптать.

Различи, что въ душѣ твоей правда, что ложь,
И познаньемъ къ покою души ты придешь.

Два врага лишь у бреннаго счастья людей:
Гнетъ душевныхъ тревогъ и унынья цѣпей.

VIII.

Нѣтъ, пѣсенъ радостныхъ хочу я,
Надеждъ веселыхъ и простыхъ!
Что въ вашихъ думахъ, гдѣ, тоскуя,
Болитъ и стонетъ каждый стихъ?

Ужель ты мужь, когда ни твердость,
Ни слово бодраго труда
Изъ устъ твоихъ не будятъ гордость
И краску честнаго стыда?

Ужель ты мужъ, роняя слезы,
Смущаясь трепетной душой
Тамъ, гдѣ бушуютъ буйно грозы
И тьма зоветъ на трудный бой?

Ужель ты мужъ, коль изъ безсилья
Иль безнадежности глухой
Не унесутъ поэта крылья
Тебя высоко надъ толпой?

IX.

Пока ты платишь дань мгновенью
Страданьемъ, мыслью иль борьбой—
Ты обреченъ уничтоженью
Съ твоей безвѣстною судьбой.

Но если, холодомъ высокимъ
Объятъ, ты жизнь и міръ презрѣлъ,
И въ вѣчность помысломъ жестокимъ
Невозмутимъ, какъ смерть, глядѣлъ,

Когда ты скажешь: время было,
Но для меня его ужь нѣтъ —
Знай, ты зерно: твоя могила
Таитъ безсмертья пышный цвѣтъ.

X.

И воетъ ихъ грязное сборище: хлѣба!
    Любите, отвѣтствуетъ небо.
Вездѣ красоты! заклинаетъ поэтъ;
    Люби, раздается отвѣтъ.
Свободы! взываетъ суровый мыслитель;
Люби, отзывается солнца обитель.

XI.

Пріосѣненъ сиренью хилой,
Не гордымъ лавровымъ кустомъ,
Подъ этимъ мраморнымъ крестомъ,
Онъ принятъ темною могилой.

Не много счастья онъ видалъ
И вынесъ все земное горе,
Но парусовъ не опускалъ
Среди бунтующаго моря.

Челнокъ разбился о скалы
И поглощенъ пловецъ бездомный,
Его кипящіе валы
Къ могилѣ вышвырнули темной.

Твое призванье свершено,
Ты спишь; куда-жь намъ плыть, могучій?
Корабль готовъ уже давно,
Бушуетъ море, мчатся тучи...

XII.

Валы морскіе безпечально
Бѣгутъ лазурной чередой.
Но вѣчно стонутъ музыкально
Передъ угрюмою скалой.

Она одна вершиной голой
Встаетъ изъ моря въ небеса;
Ей гордо шлетъ свои глаголы
Одна безумная гроза;

Она въ безбрежномъ просторѣ
Горюетъ тихо—и молчитъ...
А тамъ, внизу, сѣдое море
И вѣчно стонетъ, и шумитъ.

XIII.

Туманъ ложится желто-сѣрый,
Пустыня сохнетъ, присмирѣвъ,
И зной палитъ; но изъ пещеры
Выходитъ гордо старый левъ.

Лѣниво гривой помавая,
Поникъ онъ царской головой,
Могучимъ ревомъ пробуждая
Пустыни мертвой сонный зной.

И онъ умолкъ—и нѣтъ отвѣта...
И дрогнулъ зной—и стихъ вдали...
Но ждетъ пустыни царь, и гдѣ то
На краѣ огненномъ земли,

Подъ тяжкимъ, мѣднымъ небосклономъ,
Гдѣ гуще встала зноя мгла,
Отозвалась протяжнымъ стономъ
Грозой разбитая скала.

XIV.

Въ прозрачно-туманной печали,
Въ мечтательной душъ тишинѣ,
Мелодіи вновь зазвучали
Родныя, знакомыя мнѣ.

Какъ будто въ таинственномъ морѣ
Унылыя волны шумятъ...
Я вижу: въ далекомъ просторѣ
Тѣней вереницы летятъ,

И медленно вѣютъ крылами,
И взоры склоняютъ къ землѣ...
О, еслибъ я, свѣтлыя, съ вами
Страдалъ въ очарованной мглѣ!

XV.

— «Возстали гордые бойцы,
Блистають латы и сѣкиры...
Бѣгите, жалкіе пѣвцы,
Разбивъ изнѣженныя лиры!
Тамъ, гдѣ трепещуть палачи,
Гдѣ мечъ рабу вручаеть голодъ—
Вамъ мѣста нѣть. Стучи, стучи,
Сбивая цѣпи, звонкій молоть!»

И плавно паруса развивъ,
Какъ чайка крылья въ небѣ синемъ,
Корабль, оставя свой заливъ,
Увлекъ ихъ по морскимъ пустынямъ.
А буря тучи собрала
Съ ихъ громомъ ярымъ, молній блескомъ,
И стонеть каждая скала
Передъ пучины мощнымъ плескомъ.

Корабль исчезъ въ угрюмой мглѣ.
Лишь чайки съ бѣлыми крылами
То скорбно вьются надъ валами,
То мчатся радостно къ землѣ.
Безумнѣй хохота печальнѣй
Ихъ крики носятся въ ночи,
А молотъ бьетъ по наковальнѣ,
Куетъ сѣкиры и мечи.

И предсказаньемъ безотраднымъ
Звучитъ разгнѣваннымъ рабамъ
Тотъ хохотъ чаекъ, въ вѣтрѣ хладномъ
Примчась къ высокимъ берегамъ.
Небесъ угрюмыхъ мглисты своды,
Ужасенъ моря гнѣвный вой...
Надежду славы и свободы
Пѣвцы умчали за собой

XVI.

ВЫСОКІЙ СУДЪ.

— Рабъ мой, любилъ ты?—Господь, я любилъ:
Жилъ я несчастно и въ мукахъ почилъ.
— Сынъ мой, страдалъ ты?—Господь, я страдалъ:
Въ мірѣ я правды желалъ и искалъ.
— Другъ мой, ты вѣрилъ?—Господь мой, я слабъ:
Вѣру утратилъ безумный твой рабъ.
— Вѣрятъ другіе среди суеты
Міра со злобой и ложью; а ты—
Вѣрилъ невольно, страдая, любя.
Нынѣ надъ многимъ поставлю тебя.

XVII

СМЕРТЬ АНТОНІО

Высокъ онъ, строенъ и угрюмъ.
Печать иночныхъ тяжелыхъ думъ
Лежитъ на старческомъ челѣ.
Въ его очей суровой мглѣ,
Какъ ангелъ свѣтлый, сошедшій въ адъ,
Какъ звѣзды, что межъ тучъ блестятъ
Въ ненастной и глухой ночи,
Теплятся кротости лучи.

Великимъ занятъ онъ трудомъ:
Въ просторной кельѣ, предъ окномъ,
Покрыта траурнымъ холстомъ,
Стоитъ картина. Передъ ней
Не мало лѣтъ, не мало дней
Трудился старецъ—и съ холста
Ужъ Матерь Господа Христа
Къ нему взирала. Строгъ и простъ,
Неся безсмѣнно тяжкій постъ,
Своимъ трудомъ лишь онъ дышалъ.
Онъ на колѣни упадалъ
Среди мучительныхъ ночей

Передъ картиною своей,
Склонясь челомъ, онъ слезы лилъ
И Матерь Божію молилъ,
Чтобъ та святая красота,
Которую онъ иногда,
Томимъ неясною тоской,
Чуть уловлялъ во тьмѣ ночной,
Понятный образъ приняла
И на картину перешла.
О, много разъ, раздумья полнъ,
Какъ посреди свирѣпыхъ волнъ
Челнокъ безъ мачты и руля
Плыветъ, не зная, гдѣ земля,
Онъ мощнымъ духомъ упадалъ,
Холстомъ картину покрывалъ,
Не вѣря кисти и рукѣ,
Но все-жь, въ мучительной тоскѣ,
Опять срывалъ съ нея покровъ,
Стиралъ, писалъ и плакалъ вновь.

Но какъ скупецъ подъ темный сводъ
Роднаго сына не сведетъ,
Гдѣ онъ сокровища хранитъ,
Но какъ скрываетъ и таитъ,
Забившись въ уголъ потемнѣй,
Отъ бойкихъ, сытыхъ, злыхъ дѣтей,

Игрушку бѣдную дитя,
Чтобы, нарочно иль шутя,
Никто не могъ ея разбить,
Привыкъ Антоніо таить
Отъ міра суетныхъ очей
Высокій трудъ руки своей.
А то-бъ, быть можетъ, и узналъ,
Какъ много, много онъ сказалъ
Своею кистью въ тишинѣ
Монастыря на полотнѣ.
Чужимъ рѣчамъ не вѣрилъ онъ,
Стремленьемъ чуднымъ упоенъ.
Тому назадъ не мало лѣтъ
Онъ далъ монашескій обѣтъ.
Когда въ насъ буйно бьется кровь
Когда волнуетъ насъ любовь,
И жизнь кипящая зоветъ
Въ свой огневой круговоротъ,
Гдѣ каждый мыслитъ быть бойцомъ,
За славой, честью и вѣнцомъ—
На жизни радостной зарѣ
Укрылся онъ въ монастырѣ.
Онъ все отвергъ, онъ все презрѣлъ,
Онъ страстью высшею горѣлъ
И, полонъ сладостной мечты,
Искалъ и жаждалъ красоты.

Ложилась ночь межъ сѣрыхъ скалъ
И тихо Божій міръ дремалъ.
Прозрачный воздухъ былъ душистъ,
Не шевелился чуткій листъ,
Очарованія полна,
Всходила медленно луна
И въ небѣ блѣдномъ кое-гдѣ
Звѣзда тѣснилася къ звѣздѣ;
Закатъ едва-едва горѣлъ
И ни одинъ мятежный звукъ
Нарушить тишины вокругъ
Или не смѣлъ, иль не хотѣлъ...
Но въ часъ полночной тишины
Бѣжали глазъ Антоніо сны.
Передъ картиною святой
Онъ преклонялся до земли
И слезы горькія текли
По бородѣ его сѣдой
И шевелилися уста:
— «Благословленная! Всегда,
И въ блескѣ дня, и въ темнотѣ
Безсонной ночи, я вездѣ
Тебѣ молился, Пресвятой,
Молился всей моей душой.
Внемли же пламеннымъ мольбамъ,
Повѣрь мучительнымъ слезамъ:

Я душу скорбную мою
Передъ Тобою изолью.
О, вдохнови мои труды!
Отъ дѣтства раннія мечты
Тебѣ, Пречистой, отдалъ я!
Тебѣ одной—вся жизнь моя!
О, вдохнови мои труды!
Въ лучахъ небесной красоты
Сойди подъ мой угрюмый сводъ
Съ Твоихъ таинственныхъ высотъ.
О, вдохнови мои труды,
Ты, Приснодѣва чистоты!
Дай отразить на полотнѣ
Твой ликъ благословенный мнѣ!»
Онъ ницъ въ слезахъ упалъ и вотъ
Надъ нимъ разверзся кельи сводъ.
Въ нее среди небесныхъ силъ,
Среди лучей, подъ трепетъ крилъ,
При звукахъ струнъ незримыхъ лиръ,
Ясна какъ день, чиста какъ миръ,
Свѣжа и молода какъ май,
Благоуханная какъ рай,
Тиха, печальна и свѣтла
Къ нему Пречистая сошла.
— «Меня искалъ отъ дѣтства ты,
Ты вѣчно жаждалъ красоты,

Какъ столбъ огня, какъ фиміамъ,
Ты весь стремился къ небесамъ.
Твои исполнились мечты
И красоту постигнулъ ты—
Но исчезаетъ пламя въ дымъ
Подъ небосводомъ голубымъ,
Но исчезаетъ фиміамъ,
Поднявшись къ горнимъ небесамъ.»
Вставая изъ за гордыхъ кручъ,
Бросало солнце робкій лучъ;
Синѣли кротко небеса,
Шумѣли горные лѣса
И пѣли горные ручьи,
Кипѣли пѣной ихъ струи;
Звенѣли птицы въ небесахъ,
Цвѣты на шелковыхъ лугахъ,
Поднявъ головки и глаза,
На голубыя небеса
Свой возсылали ароматъ;
Весь міръ былъ въ праздничный нарядъ
Великолѣпно облаченъ—
И вдругъ далекой церкви звонъ,
Торжественъ, мраченъ и унылъ,
О новой смерти возвѣстилъ...

Г. А. Р.

ЕВГ. ВАС. П—ОЙ.

Моя святая Беатриче.
Тебѣ несу смиренно въ даръ
Изъ сердца рвущіеся звуки
И пѣсенъ вдохновенный жаръ!

КЪ МОЕЙ БЕАТРИЧЕ.

Пѣснь любви и наслажденія,
Пѣснь восторговъ молодыхъ,
Полонъ страсти, вдохновенія,
Я кладу у ногъ твоихъ!

Эти пѣсни мнѣ навѣяли
Волнъ журчанье и прибой,
Ихъ таинственно лелѣяли
И поля, и лѣсъ густой,
И полночное молчаніе,
И разсвѣта свѣтлый взоръ,
Звѣздъ лучистое сіяніе,
Неба радужный узоръ.
Все, что въ сердцѣ зарождалося,
Что взлелѣяно душой —
Въ этихъ пѣсняхъ все излилося
Вдохновенною волной.
Все, чѣмъ жизнь глядитъ мнѣ сладостнѣй,
Улыбается мечтамъ,
Все теперь, другъ милый, радостно
Я несу къ твоимъ ногамъ!

СТЕНЬКА РАЗИНЪ.

(Посвящается другу моему А. Б. Флетчеръ).

Далеко кочуетъ и брызжетъ волна,
Раскинулась Волга, какъ море,
Сливается съ небомъ лазурнымъ она
Въ широкомъ, могучемъ просторѣ.

Не вихрь-непогода, не злая гроза
Надъ ней разразилась жестоко:
То пьяные слышны вдали голоса,
Разносятся вѣтромъ далеко.

И даль почернѣла. То стройно плывутъ
Легко быстрокрылые струги,
На нихъ молодцы низовые поютъ,
Звенятъ и стучатъ ихъ кольчуги;

Поютъ про Хвалынскаго моря волну,
Про битвы, побѣгъ Бударъ-хана,
И какъ атаманъ Персіянку княжну
Похитилъ изъ ханскаго стана.

И стройно плыветъ, будто лебедь, ладья,
Борта ея бархатомъ крыты.
И золотомъ блещутъ, и снасти ея
Изъ шелка узорнаго свиты.

На ней столъ богато и пышно убранъ,
Звенитъ золотыми ковшами;
Степанъ Тимофѣичъ, отецъ-атаманъ,
Пируетъ за нимъ съ казаками.

И плѣнная рядомъ со Стенькой княжна
Въ парчѣ дорогой возсѣдаетъ
И краше бриллiантовъ и злата она
Своею красою блистаетъ.

И звонко ковши и братины стучатъ...
И вдругъ, какъ у жаднаго волка,
Зловѣщимъ огнемъ засверкалъ его взглядъ,
Поднялся—и вдругъ все умолкло.

Шатаясь подходитъ онъ къ краю ладьи
И громкая рѣчь зазвучала:
«Гой, Матушка-Волга, мнѣ волны твои
Богачества дали не мало,

«И сколько же злата, и сколько добра,
Какъ матерь, ты мнѣ подарила:
Камней самоцвѣтныхъ, парчи, серебра,
И славой, и честью покрыла!

«Тебя же ничѣмъ я еще не дарилъ,
Такъ на-жъ тебѣ!»... Ярости полный,
Онъ быстро княжну молодую схватилъ
И бросилъ въ кипящія волны!..

И снова ковши и братины стучатъ,
Плывутъ остроносые струги,
На нихъ молодцы низовые шумятъ
И звономъ имъ вторятъ кольчуги.

ФИНСКАЯ ЛЕГЕНДА

Далекой тѣнью лѣсъ кругомъ
Стоитъ, качая головою,
И сосны въ шепотѣ глухомъ
Ведутъ бесѣду межъ собою.

Тамъ старая сосна одна
Виднѣется межъ деревами
И съ низу до верху она
Увѣшана вся образками.

И ихъ покой она хранитъ,
Вѣтвями грустно осѣняя.
И противъ ней въ цвѣтахъ блеститъ
Поляна, красотой сіяя.

Когда-то домъ на ней стоялъ,
Но его нѣтъ теперь ужь болѣ,
И только сумрачный подвалъ
Чернѣетъ на роскошномъ полѣ.

Все здѣсь такъ радостно глядитъ,
Все взоръ приводитъ въ восхищенье,
Но здѣсь, легенда говоритъ,
Свершилось прежде преступленье.

И только ночь тѣней покровъ
На землю сонную натянетъ
И изъ ползущихъ облаковъ
Луна таинственно проглянетъ,

И тихо лѣсъ зашелеститъ,
Какъ будто съ болiю глухою,
И мѣсяцъ лишь засеребритъ
Туманъ надъ быстрою рѣкою,—

Какъ изъ подвала чья-то тѣнь
Печальная на свѣтъ выходитъ,
Садится на заросшiй пень
И грустнымъ взоромъ лѣсъ обводитъ;

И изъ лѣса тогда встаютъ
Въ одеждѣ длинной и прозрачной
Умершихъ тѣни, къ ней бѣгутъ,
И лѣсъ шумитъ въ отвѣтъ имъ мрачно.

И всѣ, обнявъ сосну вокругъ,
Они летятъ, сплетясь руками,
И далеко ихъ блѣдный кругъ
Теряется межъ деревами.

И если путникъ въ этотъ мигъ
Спѣшитъ дорогою лѣсною,
Онъ слышитъ дикій вопль и крикъ
И видитъ тѣни за собою.

А тѣ летятъ за нимъ узнать,
Ужъ не убійца-ль это мчится?
Отъ нихъ ему не ускакать
И въ темномъ лѣсѣ не сокрыться!

И путникъ, съ страшною тоской
Ихъ увидавъ, дрожитъ, трепещетъ
И торопливою рукой
Коня по бедрамъ быстро хлещетъ.

Изъ Кларка. 1867 г.

БЕРНАРЪ КЛЕРВОССКІЙ.

...И не думайте, что Я пришелъ принести миръ на землю, не миръ пришелъ Я принести, но мечъ.

Ев. отъ Матѳ. гл. 10 ст. 34.

Въ далекой Франціи, въ Клервосѣ,
Тому прошло не мало дней,
Въ монастырѣ уединенномъ,
Далекъ отъ свѣта и людей,

Смиренно жилъ монахъ-отшельникъ.
Онъ день и ночь въ мольбѣ святой
Съ любовью къ Богу обращался
Своею пламенной душой;

И вѣрилъ онъ, что въ его сердцѣ
Такой огонь любви горитъ,
Что, если вырвется наружу,
То цѣлый міръ испепелитъ,

И вотъ молва летитъ, что снова
Султанъ грозитъ Землѣ Святой,
Что христіанъ ослабли силы
Предъ этой дикою толпой.

И вся Европа содрогнулась
Передъ извѣстіемъ такимъ:
Напрасны были всѣ усилья
И вновь падетъ Іерусалимъ!

И въ монастырь уединенный
Домчалась горестная вѣсть
И Богу, ужасомъ объятый,
Монахъ спѣшитъ мольбу принесть.

«О, Боже мой! Ужели мѣсто,
Откуда свѣтъ намъ возсіялъ,
Гдѣ Ты съ любовью и смиреньемъ
Училъ добру, за насъ страдалъ,

«Гдѣ все, что тамъ живетъ и дышетъ,
Все на себѣ Твой слѣдъ хранитъ—
Глумяся, Сарацинъ презрѣнный
Пятой нечистой осквернитъ!

«О нѣтъ, Господь! Да вновь возстанетъ
Святое войско христіанъ,
За оскверненіе Святыни
Сотретъ съ земли всѣхъ мусульманъ!

«О, дай мнѣ власть, о, дай мнѣ силу,
Огонь вложи въ мои уста—
И подниму я всѣ народы
Во славу имени Христа»!

И подкрѣпленный Божьей силой
Заговорилъ святой Бернаръ;
Какъ съ горъ летящая лавина,
Какъ розыгравшійся пожаръ,

Раздалось слово огневое.
Сердца Европы онъ зажегъ—
И зашумѣлъ, заволновался,
Поднялся рыцарей потокъ.

Идутъ. И кровь струею жаркой
Зардѣлась на Землѣ Святой,
Гремятъ мечи и трупы, трупы
Ростутъ ужасною горой.

Сиротъ и вдовъ несчастныхъ слезы,
Огнемъ спаленныя мѣста,
Побѣдный крикъ, проклятья, стоны—
Во славу имени Христа!

ПѢСНЯ РАБЫНИ.

Солнце далеко садится,
Пурпуромъ небо одѣвъ,
Въ воздухѣ льется и таетъ
Чей-то волшебный напѣвъ.

Плачетъ звенящая лира,
Звукъ полный скорби летитъ,—
То молодая рабыня
Въ пѣснѣ о прошломъ грустить.

Пѣсни двѣ дѣвушки внемлютъ,
Нѣжно обнявшись сидятъ,
Полны нѣмаго раздумья,
Въ даль устремили свой взглядъ.

Ярко горятъ ихъ запястья
Въ блескѣ послѣднихъ лучей,
Жемчуга нить охватила
Волны роскошныхъ кудрей.

Вѣтви широко раскинувъ,
Дремлетъ надъ ними каштанъ,
Тѣнью душистой лаская,
Тихо лелѣетъ ихъ станъ.

Голосъ рабыни такъ чуденъ...
Только порой задрожитъ
И по лицу чуть замѣтно
Горькая слезка бѣжитъ.

Съ грустью она вспоминаетъ
Прежняго счастія дни:
Радость, любовь и свободу
Ей приносили они.

Съ грустью она вспоминаетъ
Родины край дорогой,
Какъ золотитъ пирамиды
Солнечный лучъ золотой,

Какъ между пальмъ величавыхъ,
Между священныхъ могилъ,
Тихія, желтыя воды
Катитъ задумчивый Нилъ;

Пышность и блескъ фараоновъ,
Мудрость и славу жрецовъ,
Сфинксовъ безстрастныя лица,
Стройныхъ величье дворцовъ...

Нѣтъ больше мирныхъ процессій,
Свергнутъ навѣкъ фараонъ,
Счастье, свобода святая,—
Все улетѣло, какъ сонъ!

Грустью объята рабыня...
Пѣснь оборвалася вдругъ,
Въ небо стеная понесся,
Замеръ заплакавшій звукъ.

Тамъ-же вдали, горделиво,
Самой судьбою хранимъ,
Царствъ и народовъ властитель,
Вѣчный красуется Римъ.

И, недовольны молчаньемъ,
Дѣвушки крикнули ей:
«Что-жъ ты, рабыня, умолкла,
Пѣсню намъ спой поновѣй!»

Что-же за дѣло до горя
Чувствъ и страданій рабовъ?
Дочери гордыя Рима,
Дочери пышныхъ дворцовъ,

Васъ пріучали, какъ нужно
Властвовать низшей толпой,
Дали въ удѣлъ вамъ довольство,
Радости, нѣгу, покой,

Нѣтъ, не понять вамъ печалей,
Скорби забитыхъ людей...
Что-жъ ты, раба, замолчала?
Пой-же имъ пѣсню скорѣй!..

ФРИДРИХЪ БАРБАРОССА.

Утесъ на утесъ взгромоздился
И скалы столпились стѣной,
По кручамъ и ребрамъ изрытымъ
Нахмуренный, мрачный, глухой,

То въ влажный оврагъ опускаясь,
То гордо всходя до небесъ
И, кутаясь въ облакѣ грозномъ,
Раскинулся дѣвственный лѣсъ.

Шумятъ вѣковыя деревья,
Со скрыпомъ качая стволы,
По темной листвѣ пробѣгаютъ
Какъ по морю въ бурю, валы.

И между камней и утесовъ,
Дремучею чащей закрытъ,
Таинственный славою полный,
Киффгаузенскій замокъ стоитъ.

Въ томъ замкѣ подземная зала
И въ ней, какъ преданье гласитъ,
Германскій король Барбаросса
Въ глубокомъ молчаньѣ сидитъ.

Сидитъ онъ и думаетъ думу,
Склонившись на столъ головой
И мраморъ стола покрываетъ
Онъ рыжей своей бородой.
. . . .

Дни Божьяго гнѣва настанутъ,
Весь міръ загорится войной
И встанетъ тогда Барбаросса—
Съ нимъ войско несмѣтной толпой.

Онъ встанетъ, когда безначалье,
Безвѣрье и злоба людская,
Усталую, грѣшную землю
Наполнятъ отъ края до края.

Онъ встанетъ, когда надъ отчизной
Враги, какъ орлы, соберутся
И вмѣстѣ съ побѣднымъ ихъ крикомъ
И слезы, и вопли польются,

Онъ встанетъ въ сіяньѣ величья
И полчища грозныхъ враговъ
Въ смущеньи падутъ на колѣни
Предъ этимъ бойцомъ изъ бойцовъ.

И властной, привычной рукою
Онъ скипетръ забытый возьметъ—
Покой долго-жданный, свободу
И счастье собой принесетъ.

И вновь надъ ожившей землею
Заря жизни свѣтлой взойдетъ,
И истина въ ней воцарится,
И правда неправду сотретъ!
. . . .

Но много истлѣло деревьевъ,
Другія надъ ними шумятъ,
Осыпались горніе камни
И скалы нетвердо стоятъ,

Обрушились башни на замкѣ,
Растрескались стѣны вокругъ
И кружевомъ тонкимъ и пыльнымъ
Всѣ окна завѣсилъ паукъ.

Давно позабыта дорога,
Что къ дивному замку ведетъ...
Хоть помнятъ до нынѣ преданье,
Но кто-жъ этотъ замокъ найдетъ?

И годы за годами мчатся,
И вѣкъ, какъ минута, летитъ —
Въ раздумьѣ нѣмомъ Барбаросса
Въ той залѣ подземной сидитъ.

МОРЕ.

Неизмѣримо раскинулось въ синюю даль
Необозримое море,
Искрится, ярко сверкаетъ на солнцѣ, какъ сталь,
Волны несутся въ просторѣ,
Пѣну бросаютъ и брызги по вѣтру летятъ
Легкимъ, златистымъ туманомъ:
Слышны лишь волны, да чайки высоко кричатъ,
Бѣлымъ летя караваномъ.

ВЕЧЕРЪ.

Помнишь тотъ вечеръ? Разлился
  Золотомъ въ небѣ закатъ,
Въ пурпуръ, какъ царь, нарядился
  Старый, запущеный садъ.

Помнишь, во влагѣ смолистой
  Лѣсъ, утомясь, задремалъ,
Только листвой серебристой
  Тополь слегка трепеталъ?

Помнишь, гуляя, изъ сада
  Вышли потомъ мы на плотъ;
Насъ охватила прохлада
  Паромъ подернутыхъ водъ?

Ты оперлась о перило...
  Даль развернулась очамъ,
Солнце струи золотило,
  Къ темнымъ склоняясь холмамъ.

Долго мы молча сидѣли;
  Все было счастьемъ полно...
То, что уста не посмѣли,
  Сердце сказало давно.

ОТРЫВОКЪ.

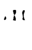
Въ концѣ заглохшаго, запущеннаго сада,
Гдѣ чуть живой стѣной виднѣется ограда,
Гдѣ, вѣтками тяжелыми сплетясь,
Съ березою сосна густую тѣнь бросаютъ
И ландыши у ногъ цвѣтутъ, благоухаютъ,
И папортникъ дрожитъ надъ ними наклонясь,
Тамъ мѣсто есть одно, излюбленное мною;
Туда я прихожу тропинкою лѣсною;
Между зарывшихся, заросшихъ мохомъ пней,
Тамъ грядкой небольшой положены каменья;
Давно развѣянныхъ рукою разрушенья,
На нихъ еще лежитъ забытыхъ горсть углей,
И, вѣтви высоко надъ ними простирая,
Три ели здѣсь стоятъ, вершиной утопая
Въ блестящей синевѣ раскинутыхъ небесъ...
Какъ милъ тотъ уголокъ, забытый, одинокій,
И вкругъ него задумчивый, разросшійся, глубокій,
Запущенный, шумящій глухо лѣсъ!

RÊVERIE.

Когда дивная ночь ароматной волной
Въ смѣну дню потихоньку нисходитъ
И мерцающихъ звѣздъ хороводъ золотой
Въ небѣ ясномъ, играя, заводитъ,
И, качаяся сонно, высокій тростникъ
Засверкаетъ жемчужной росою
И луны золотисто-серебряный ликъ
Озаритъ грустно землю собою—
Я подолгу люблю на прибрежьѣ сидѣть,
Съ моей думой одной неразлучный,
Въ глубину тихихъ водъ все глядѣть и глядѣть
И вникать въ ихъ прибой сладкозвучный.
И лечу я мечтою въ тотъ край дорогой,
Гдѣ съ тобою я пробылъ немного...
Колокольчикъ гудитъ и звенитъ подъ дугой,
Вьется узкою лентой дорога.

По бокамъ говорятъ, какъ живые, лѣса,
Ручеекъ чрезъ дорогу струится.
Даль открылась. Несжатое поле овса
Безконечнымъ ковромъ золотится...
И куда ни посмотритъ пытливо мой глазъ,
Всюду поле въ широкомъ просторѣ,
На убогомъ мосту прогремѣлъ тарантасъ
И въ деревню въѣзжаю я вскорѣ;
Промелькнули избушки одна за другой
И опять безпредѣльное поле,
По дорогѣ идутъ бабы шумной гурьбой,
Звонко пѣснь распѣвая на волѣ.
— «Далеко-ли до «Брода»?» —Смѣются въ отвѣтъ:
— «Недалече: за рощею тою!»
И, чему-то смѣяся, мнѣ смотрятъ во слѣдъ,
Прикрываясь отъ солнца рукою.
Вонъ вода заблестѣла вдали полосой,
Ржутъ усталые, мокрые кони,
Лишь проѣхать скорѣй тотъ пригорокъ крутой
И усадьба за нимъ на ладони.

Зеленѣетъ за домомъ развѣсистый садъ
И кудрявой колышется сѣнью;
У подножья его волны грустно журчатъ
И катятся съ томительной лѣнью

И мечтой своенравной я дальше лечу
И тотъ вечеръ поэзіи полный
Я такъ ясно увидѣть, представить хочу...
Помню: пѣнились шумныя волны,
Наша лодка вздымалась на гребень сѣдой,
Весла воздухъ, свистя, разсѣкали,
Подымалися волны одна за другой,
Милліонами брызгъ обдавали,
И съ журчаньемъ потомъ уплывали они,
И, какъ звѣзды въ полночномъ туманѣ,
На рыбачьемъ селѣ зажигались огни—
Это пиво варили крестьяне.
Счастья полный, у ножекъ твоихъ я лежалъ
И безмолвно тобой любовался,
А ты звонко смѣялась, какъ пѣнистый валъ
Въ брызги шумно о бортъ разбивался.
Эту чудную ночь я одинъ просидѣлъ,
Погруженный въ раздумье глубоко.
Звѣзды гасли. За лѣсомъ востокъ заалѣлъ,
Вѣтерокъ потянулъ издалека,
И свѣтлѣе, свѣтлѣе и ярче огня
И роскошнѣй заря разгоралась...
И другая заря—на душѣ у меня—
Заря свѣтлой любви подымалась...

ОТЪѢЗДЪ.

Насталъ тяжелый часъ прощанья
И кони ржутъ и бьются у крыльца...
Зачѣмъ грустить! Послѣдній мигъ свиданья
Да будетъ радостенъ и свѣтелъ до конца!

Себя отдать тебѣ въ блаженную неволю
Быстрѣе птицы я восторженный спѣшилъ,
Налюбоваться я не могъ тобою въ волю
И каждый часъ тебя сильнѣй, сильнѣе все любилъ.

Но часъ насталъ. Слезой мгновенной
Мой взоръ туманится. Прощай,
Ты, сердцу моему на вѣки незабвенный,
Тобою освященный край!

Прости и ты, о комъ былыя грезы,
Кому отдалъ бы я безплодной жизни дни,
Кому отдалъ и радости, и слезы,
И счастіе мое... прощай, мой другъ, прости!

Серебрянка, 1888 г.

ВЪ ТИШИ.

Не плещетъ тихая волна
Средь камышей на берегъ сонный,
Царитъ повсюду тишина,
И день отходитъ утомленный.

Закатъ пурпурный догорѣлъ
И поползли отвсюду тѣни,
И мѣсяцъ ясный заблестѣлъ
Изъ за лѣсной дремучей сѣни.

Плыветъ челнокъ досчатый мой,
Тростникъ чуть слышно разсѣкаетъ
И онъ, склонясь къ струѣ живой,
Какъ капли слезъ, росу роняетъ.

А ночь такъ дивно хороша,
Она такъ дышетъ ароматно,
Такъ успокоена душа,
Такъ ей тревога непонятна!

Но вновь встаетъ передо мной
Твой образъ милый и далекій
И, полонъ нѣжности одной,
Мнѣ вновь блеститъ твой взглядъ глубокій.

И пусть тамъ на небѣ горятъ
Огни бриллiантовые ночи:
Я вижу самъ, что мнѣ блестятъ
Яснѣй и чище твои очи!

И пѣснь несется-ль соловья
Волшебной трелью за рѣкою,
Вдали румянится-ль заря,
Роса сверкаетъ-ли слезою,

И солнце-ль красное встаетъ,
И сыплетъ золото дорогой,—
Все это счастья не даетъ,
Все говоритъ душѣ не много!

Нѣтъ! Безъ любви міръ цѣлый пустъ,
Мнѣ надо дорогія встрѣчи,
Улыбку надо милыхъ устъ
И чувствомъ дышащія рѣчи,

Лишь видѣть, чувствовать тебя,
Въ любви на время дай забыться,
Тогда природа для меня
Улыбкой счастья озарится!

Разбиты, развѣяны грезы
Рукою судьбы безпощадной
И падаютъ горькія слезы,
И льются въ тоскѣ безотрадной.

Какъ жалко разбитаго счастья,
Какъ жалко завѣтныхъ мечтаній!
Подъ темнымъ дыханьемъ ненастья
Я проблески вижу страданій.

Зачѣмъ билось сердце напрасно,
Объятьемъ надежды согрѣто,
И ждало восторженно, страстно
Любви дорогаго привѣта?

Но слышно волненіе бури,
Край неба гроза озарила
И куполъ небесной лазури,
И солнце подъ тучею скрыла.

Закапали горькія слезы,
Печали полны безотрадной,
Развѣяны вешнія розы
Рукою грозы безпощадной...

БАРКАРОЛЛА.

Сядемъ въ челнокъ поскорѣе!
Озеро манитъ къ себѣ,
Будемъ мы плыть по теченью,
Пѣсню спою я тебѣ...

Струйки съ журчаніемъ грустнымъ
Вслѣдъ за рулемъ побѣгутъ,
Звуки волшебные пѣсни
Въ синюю даль поплывутъ.

Звѣзды, собравшись гурьбою,
Глянутъ съ роскошныхъ небесъ,
Звонкій тростникъ затрепещетъ,
Тихо всколышется лѣсъ,

Эхо далеко повторитъ
Звукъ баркароллы моей
И пробужденъ отзовется
Съ берега намъ соловей.

Буду я пѣть о волненьяхъ,
Сладкихъ минутахъ любви.
Ты же дремли, моя радость,
Глазки закрывши свои.

Будешь о счастьѣ желанномъ
Ты безмятежно мечтать,
Буду я станъ твой лелѣять,
Ручки твои цѣловать...

Сядемъ въ челнокъ поскорѣе!
Ночь и тиха, и нѣжна,
Мѣсяцъ все облилъ сіяньемъ
И серебрится волна.

ПОСВЯЩАЕТСЯ Н. И. Т.

Твои черные, черные глазки
То кокетливо-хитро блестятъ,
То сіяньемъ чарующей ласки
Озарится ихъ вдумчивый взглядъ.

Я люблю ихъ спокойный и милый,
Чуть прикрытый рѣсницами, свѣтъ;
Въ моемъ сердцѣ волшебною силой
Ты глубокій оставила слѣдъ.

Такъ, лишь ночь, обходя неба-своды,
Чуть успѣетъ рой звѣздъ засвѣтить,
Какъ влюбленныя, тихія воды
Ужъ торопятся ихъ отразить.

* *
*

Я не то, чтобъ любилъ бы тебя,
Я къ тебѣ привязался скорѣе—
Надоѣло томиться шутя,
А съ тобою мнѣ быть веселѣе.

Ты порой занимаешь меня
Отъ мертвящей тоски и безцѣлья,
Льется смѣхъ твой, прелестно звеня,
Беззавѣтнаго полный веселья.

И отъ взоровъ очей огневыхъ,
Хоть весь міръ забываю порою
И, безумный, у ножекъ твоихъ
Я любить бы хотѣлъ всей душою,

Но, хоть жаръ закипаетъ въ крови,
Хоть и бродятъ неясно мечтанья,
Но еще далеко до любви,
Далеко еще мнѣ до страданья!

Такъ зимой, когда солнце блеснетъ,
Вся земля встрепенется глубоко,
Но не таетъ сверкающій ледъ—
До весны еще очень далеко!

ПАМЯТИ М. Л. К.

Гдѣ померанцевъ лѣсъ и гдѣ цвѣтетъ олива—
Подъ небомъ голубымъ счастливая страна,
Гдѣ въ глубь лазурнаго, блестящаго залива
Бьетъ средиземная волна,
Гдѣ воздухъ нѣжитъ грудь, отрадой тихой вѣетъ,
Алмазомъ снѣгъ блеститъ съ Альпiйской высоты,
Съ улыбкою любви природа щедро сѣетъ
На землю радость и цвѣты,—
Тамъ тихо умереть одной ты не хотѣла,
Тебя манилъ къ себѣ отчизны дальнiй край
И мысль твоя туда стремилась и летѣла,
Гдѣ для тебя любви открылся первый рай.
А смерть ужь надъ тобой, какъ коршунъ злой, парила
«Въ объятьяхъ дорогихъ принять ея ударъ...»
Объ этомъ только ты судьбу свою молила—
И жизнь тебѣ дала послѣднiй этотъ даръ.

. . . .

Покойся съ миромъ! Спи, не вѣдая страданiй.
Ты гостьей на землѣ недолгою была,
Но въ этотъ краткiй мигъ твоихъ земныхъ скитанiй,
Любимой ты жила, любя ты умерла.

Бьетъ золотая струя винограда,
Брызги изъ кубка летятъ,
Въ длинныхъ кувшинахъ, для сердца услада,
Вина сверкаютъ, блестятъ,
Вишни пурпурныя тутъ, апельсины,
Бархатный персикъ, гранатъ,
Полныя ягодъ, каштановъ корзины,
Розы свой льютъ ароматъ.
Кисть винограда виситъ прихотливо,
Дразнятъ и манятъ нашъ взглядъ
Финики, яблоки, сочная слива,
Кубковъ и чашъ длинный рядъ.
Роза пурпурная съ лиліей снѣжной
Темнымъ плющемъ обвита,
Вѣтка оливы съ фіалкою нѣжной
Длинной гирляндой свита.
Мягкое ложе зоветъ наслаждаться,
Манитъ въ объятья свои,
Лиры, свирѣли поютъ отдаваться
Страсти, восторгамъ любви!

И для чего всѣ заботы, сомнѣнья,
Ужасы, распри, война?
Взглянь! Все кругомъ здѣсь полно наслажденья,
Здѣсь только радость одна.
Здѣсь только царствуетъ жизни отрада,
Здѣсь поцѣлуи, любовь. .
Бей же, играя, струя винограда,
Бурно волнуй мою кровь!

3-го ЯНВАРЯ 1888 г.

Посвящено Аѳ. Аѳ. Вилинбахову.

Звуки веселаго льются мотива,
Смѣхъ серебристый звучитъ,
Въ звонкихъ стаканахъ, сверкая игриво,
Хересъ янтарный блеститъ;
Ярко пылаютъ настольныя свѣчи,
Лица весельемъ горятъ...
Полныя мысли, свободныя рѣчи...
Свѣтлой надеждой пылающій взглядъ...

Влаги, искрящейся съ громкимъ шипѣньемъ,
Брызни струею, фонтанъ!
Дай-же мнѣ пылко обнять съ наслажденьемъ
Твой восхитительный станъ!
Дайте пустые, звенящіе кубки
Пѣною сладкой взмутить,
Дай эти нѣжныя, алыя губки
Долгимъ лобзаньемъ покрыть!

Льется струей ароматный напитокъ,
Въ окна глядится разсвѣтъ...
Время счастливое, силы избытокъ,
Вамъ мой сердечный привѣтъ!
Подана тройка. Звеня бубенцами,
Кони какъ вѣтеръ, взвились,
Снѣгъ захрустѣлъ, заскрипѣлъ подъ санями,
Пѣсни любви понеслись.

Съ пѣсней раздольной, веселою, лихо,
Мы возвращались домой;
Звѣзды на небѣ купалися тихо,
Гасли одна за другой.
Мѣрно качаясь, въ насъ сыпалъ порою
Ризой серебряной лѣсъ;
Тамъ же, далеко, блестѣлъ полосою
Край заалѣвшихъ небесъ.

КЪ ЦВѢТАМЪ.

Осыпались нѣжныя розы,
Кругомъ лепестки облетѣли
И ландыши, грустью томимы,
Головки склонивъ, пожелтѣли.

Вы помнитель-ль? Ночи чернѣе,
Кудрей своевольныя волны,
Тѣ глазки, что темнымъ укоромъ,
Что свѣтлою ласкою полны;

Сіяя ея красотою,
Встревожены страстью, дрожали,
Влюбленные къ ней прижимались,
Ея ароматомъ дышали...
. . . .

И зала огнями блестѣла,
И бала неслося похмѣлье,
Дразня волновалися звуки,
Даруя то грусть, то веселье,

Всѣхъ жизнь пригрѣвала улыбкой,
А вы, и томясь, и тоскуя,
На милой груди умирали,
Ее передъ смертью цѣлуя.

H. H. C.

Да здравствуетъ многiя, долгiя лѣта
Святой Православной Семьи!
Прими въ пожеланiя людей и привѣтъ
От: „одного из семьи.“

[illegible]

Поэту.

Ты молодъ былъ и полонъ мечтаній жгучихъ,
Добро и красоту всѣмъ сердцемъ полюбилъ,
И истину искалъ, и силъ своихъ могучихъ
Порывъ благословлялъ, со зломъ въ борьбу вступилъ...
Ты молодъ былъ.

«Откликнутся сердца! Одно лишь правды слово—
И всѣ за мной пойдутъ!»—тогда ты говорилъ,
«И я добьюсь того, чтобъ счастія земнаго,
И вѣры, и любви вѣкъ снова наступилъ!...»
Ты молодъ былъ.

Усталъ ты и разбитъ безплодною борьбою,
Ты старъ и дряхлъ теперь и нѣтъ ужь прежнихъ силъ —
Но, какъ и до тебя, дружимъ мы также съ тьмою,
Ты свѣта не зажегъ, хоть даромъ жизнь сгубилъ...
Ты молодъ былъ...

ВЕСНОЙ.

Пробудились весеннія воды,
Съ горъ въ долины ручьи побѣжали,
Всюду жизнь, обновленье природы,
Дни любви и блаженства настали.

Пробудились дремавшія силы,
Взволновались уснувшія страсти,
Люди кажутся дороги, милы,
И легко такъ мнѣ вѣрится въ счастье.

Чистъ и ясенъ сводъ неба лазурный,
Прошумѣли весеннія грозы
И сквозь груды листвы изумрудной
Слышенъ запахъ сирени и розы.

Чистъ и ясенъ покой мой душевный,
Прошумѣли невзгодъ моихъ грозы,
Лью теперь я въ моихъ пѣснопѣньяхъ
Не страданья, а счастія слезы.

* *
*

Вновь пахнуло весной и поля, и лѣса
Разрядились въ зеленое платье,
Отъ зари до зари слышны птицъ голоса,
Всюду радость одна безъ изъятья.

Безпричинною полный любовью одной,
Я враговъ называю всѣхъ «братья!»
Я всѣмъ имъ раскрываю объятья
И всѣхъ ихъ я прощаю весной.

*
* *

Люблю я весны дуновенье,
Цвѣтовъ самыхъ раннихъ расцвѣтъ,
И птичекъ веселое пѣнье,
И солнца весенній привѣтъ.

Любуясь зарей золотою,
Вдыхаю я запахъ луговъ.
И, кажется, жизнью иною
Съ весной заживаю я вновь.

* *
*

Тихо блещетъ при закатѣ,
Какъ стекло спокойно, море...
Поглядн: на всемъ просторѣ,
Безграничномъ, безконечномъ,
Ни одной волны шумливой
Не играетъ и не бьется.
Въ небѣ синемъ чайка вьется,
Да и та летитъ лѣниво.
И склонилися съ любовью,
И глядятъ на дно залива
И тростникъ прибрежный чуткій,
И сребристая олива.
Еле слышно волны плещутъ,
Сплошь облитыя сіяньемъ,
Пронеслися видно грозы,
Сонный штиль нашелъ на море...
О, не вѣрь! Возможно-ль думать,
Что роднитъ оно съ страданьемъ,
Что оно даритъ намъ слезы,
Что оно таитъ намъ горе?

ОСЕНЬЮ.

Быстро пролетѣли дни златые лѣта,
Небо отовсюду тучами покрыто,
Сплошь листвой опавшей вся земля закрыта
И замѣтно меньше и тепла, и свѣта.

Гдѣ теперь тѣ люди, что мнѣ были милы,
Гдѣ мои надежды, мысли, убѣжденья?
Сплошь, куда ни взглянешь, лишь одни сомнѣнья
И замѣтно меньше и любви, и силы.

«DU BIST ERDE».

Время проходитъ совсѣмъ незамѣтно,
Быстро идетъ день за днемъ..
Къ пристани темной, всѣмъ намъ непривѣтной,
Скоро и мы подойдемъ.

Скоро придемъ мы на вѣчный покой,
Плакать надъ нами не станутъ:
Наши могилы покроютъ землей
И—вспоминать перестанутъ.

Можетъ, прохожій иною порой
Съ грустью на кладбище взглянетъ—
Кто-жь ему скажетъ, кто здѣсь подъ землей
Легъ и ужь больше не встанетъ?

ДУБЪ.

Какъ рыцарь могучій, дубъ крѣпкій стоитъ,
Вѣнчанный зеленой главою.
Столѣтье прошло, и другое бѣжитъ—
А онъ еще споритъ съ грозою.

Кругомъ повалились березы и ели
И много деревъ молодыхъ
Погибло отъ вихрей свирѣпой метели,
Но онъ все стоитъ горделивъ.

Смѣется надъ бурей, на бой вызываетъ,
Не хочетъ главы наклонить,
И дико отъ злобы метель завываетъ,
А дуба не можетъ сломить.

Но время проходитъ и дубъ все старѣетъ,
Покорно ждетъ смерти чередъ,
Съ метелями больше онъ спорить не смѣетъ
И скоро могучій падетъ.

И правда, сломило всесильное время
Того, кто главы не склонялъ;
Взросло молодое и чуждое племя,
Гдѣ прежде дубъ гордый стоялъ.

ПѢСНЯ ССЫЛЬНАГО.

Вьется, вьется рѣченька лентою игривой
По крутымъ оврагамъ, по полянамъ ровнымъ,
Льется, льется рѣченька и шумитъ бурливо
Звонкою волною по камнямъ огромнымъ.

То течетъ спокойно, тихо на просторѣ,
То о берегъ дикій будто съ злобой бьется,
И стремятся волны въ грозномъ, жаркомъ спорѣ,
И далеко шумъ ихъ, грохотъ раздается.

Лейся, лейся, рѣчка, тихою струею:
Берега не сломишь, камней не сравняешь;
Не играй, не бейся быстрою волною,
Вѣрь мнѣ, что безплодно силы здѣсь теряешь.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Видишь, противъ воли, не шумя, не споря,
Я живу, подавленъ злобою людскою...
Лейся, лейся, рѣчка, тихо на просторѣ
И не бей о камни звонкою струею.

БУКЕТЪ.

Только вчера я сорвалъ эти розы,
Жизнью, красою сіяли онѣ,
Капли росы въ нихъ, какъ свѣтлыя слезы,
Такъ и блестѣли въ вечерней зарѣ.

Тихою ночью, сквозь сонныя грезы,
Я ароматъ его нѣжный вдыхалъ.
Утро настало—осыпались розы,
Пышный букетъ невозвратно увялъ.

Только вчера я мечтой возносился,
Солнце любви и надежды взошло,
Съ жизнью своею докучной мирился,
Сердце шептало мнѣ: счастье пришло!

И успокоенъ, забывъ треволненья,
Видѣлъ твои дорогія черты...
Утро настало—исчезли видѣнья,
Снова разбиты, погибли мечты.

ВЪ МИНУТУ РАЗДУМЬЯ.

Только предъ взоромъ сомнѣнье предстанетъ,
Только раздумье, тоска подойдетъ,
Смотришь—опять день надежды настанетъ,
Радость опять на мгновенье заглянетъ,
Ты и не ждешь, а ужъ счастье идетъ.

Всѣ скоротечны твои упованья,
Быстры они, какъ заботы твои;
Знай, что ни шагъ, то другія желанья;
Мигъ разбиваетъ твои ожиданья,
Мигъ создаетъ тебѣ счастія дни.

Что намъ страдать и кому намъ молиться,
Если нашъ Богъ—мимолетный герой?
Стоитъ-ли къ лучшему въ жизни стремиться,
Стоитъ съ воздушными замками биться,
Стоитъ-ли вѣрить, любить... день—другой?

*
* *

Пойте о сладости
Первой любви,
Пойте о радости,
Музы мои!
Въ пылкихъ желаньяхъ
Горячихъ страстей,
Забудьте несчастье
И горе людей,
Сердце убитое
Долгимъ страданьемъ,
Къ счастью забытому
Слезой состраданья
Верните скорѣй!

ПОРЫВЪ.

Ты знала-ли, дитя, порывы вдохновенья?
Восторгамъ нѣтъ конца, мечтамъ предѣла нѣтъ,
Уходятъ въ глубь души неясныя сомнѣнья
И заживаетъ ранъ сердечныхъ долгій слѣдъ.

Ты вѣрила-ль тогда, что счастье улыбнется,
Что цѣлый міръ чудесъ со свѣтлой красотой,
Весь полный грезъ любви, такъ ярко развернется,
И близкимъ, и твоимъ вдругъ встанетъ предъ тобой?

Рвалася-ли тогда взволнованной душею
Къ тѣмъ дальнимъ небесамъ, гдѣ счастіе царитъ,
Гдѣ въ вѣчно сладостныхъ и нѣгѣ, и покоѣ,
Какъ свѣтлая звѣзда, огонь любви горитъ?

Дитя, могла-ли ты въ минуту вдохновенья
Все прошлое свое безъ жалости разбить,
Отдаться вмигъ душей наплыву увлеченья,
Чтобъ возродиться вновь, и вѣрить, и любить?

***

Приди ко мнѣ скорѣй, хоть на одно мгновенье,
Позволь поговорить съ тобой наединѣ...
О, успокой меня и отгони сомнѣнья,
Приди ко мнѣ!

Вѣтвями тополей чуть вѣтерокъ колышетъ
И тихимъ, сладкимъ сномъ заснуло все вокругъ,
Не шелохнетъ нигдѣ, никто насъ не услышитъ...
Приди, мой другъ!

Ты слышишь-ли, какъ ночь благоухаетъ,
Какую пѣснь поетъ намъ соловей?
Тебя ко мнѣ онъ пѣсней призываетъ,
Приди скорѣй!

Ты вѣришь-ли, что весь я твой, родная,
Что я живу тобою лишь одной,
Что плачу за тебя и о тебѣ страдаю...
Приди, другъ мой!

Придешь-ли ты ко мнѣ, хоть на одно мгновенье,
Чтобы исполнились завѣтныя мечты,
Чтобы разсѣялись тяжелыя сомнѣнья...
Придешь-ли ты?

*
* *

Я не могу тебя забыть!
Твои плѣнительныя очи
Сіяютъ мнѣ сквозь сумракъ ночи
И мнѣ нельзя ихъ не любить.
Нельзя забыть мнѣ наши встрѣчи;
Досель мою волнуютъ кровь
Твои ласкающія рѣчи
И въ сердцѣ вновь царитъ любовь.
И ужъ теперь я полонъ вѣры,
Что счастливъ буду я безъ мѣры,
И потому лишь, что съ тобой,
И свѣтитъ образъ моей милой
Мнѣ путеводною звѣздой.
Любовь даетъ мнѣ снова силы,
Чтобы разсѣять мракъ унылый,
Что прежде былъ передо мной...
Я не могу тебя забыть!
Твои плѣнительныя очи
Сіяютъ мнѣ сквозь сумракъ ночи
И мнѣ нельзя ихъ не любить.

К. П. З.

Видишь-ли ты—поле поросло травою
И земля покрыта дерномъ и кустами;
Но придетъ къ ней пахарь; мощною рукою
Испещритъ онъ ниву плуга бороздами.

Онъ разрыхлитъ землю, онъ ее засѣетъ
И, заботой полный, будетъ ждать исхода—
И какъ радъ онъ будетъ, какъ зазеленѣетъ
Нива трудовая отъ ржанаго всхода!

Жизнь передъ тобою, милый, то-же поле,
И его удобритъ потомъ и трудами
Отъ твоей зависитъ все отъ доброй воли;
Что на немъ посѣешь, то пожнешь съ годами.

Слѣдуй только прямо своему стремленью:
Угадать призванье—лучше нѣтъ исхода,
И какъ радъ ты будешь, какъ уйдутъ сомнѣнья,
И какъ ты добьешься трудоваго всхода!

ИЗЪ ЗАСТОЛЬНЫХЪ ПѢСЕНЪ.

Эй, мой другъ, не унывай,
Не кляни судьбину злую;
Вспомни пѣсенку лихую:
«Горе чаркой заливай»!

Коль любовь тебя сгубила,
Разлюбить не можешь ты,
И тоскуешь, другъ, уныло,
Что разрушились мечты,

Обмануло-ль тебя счастье,
Жизнь разбита-ли твоя,—
Эй, мой другъ, забудь ненастье:
«Горе съ чаркою друзья!»

За веселою бесѣдой
Жизнь яснѣй всего видна:
Идутъ прочь сомнѣнья, бѣды...
Лей, товарищъ, пей до дна!

Пей вина струю златую—
Станешь самъ ты веселѣй,
Грянешь пѣсню удалую
И забудешься за ней.

Эй, мой другъ, не унывай,
Не кляни судьбину злую!
Вспомни пѣсенку лихую:
— «Горе чаркой заливай».

*
* *

За счастья краткій мигъ, за радость упованья —
Я все могу забыть, я все готовъ отдать,
Чтобъ только жаръ любви, сомнѣнья и страданья,
Рой вдохновенныхъ сновъ и грезъ мнѣ испытать.

О, не томи меня! Не мучь меня напрасно,
Скажи одно «люблю», ко мнѣ, дитя, приди,
И, возрожденный вновь, я пламенно и страстно,
Весь жаждущій любви, прижмусь къ твоей груди.

И пѣснь я запою, надежды свѣтлой полный,
О счастьи буду пѣть, на зло моей судьбѣ,
И смолкнетъ грязный міръ, той пѣснью удивленный,
И всѣ, кто лучшій тамъ, придутъ къ одной тебѣ.

Придутъ и ницъ падутъ въ внезапномъ восхищеньи,
Чтобы восторженно молиться предъ тобой,
И пѣснь мою споютъ, ту пѣсню вдохновенья,
Что ты вдохнула мнѣ твоею красотой.

* *
*

Не одна ты въ полѣ дорожка пролегала...
Гдѣ конецъ твой виденъ, гдѣ твое начало?
Ты капризной змѣйкой вьешься межъ кустами,
То уйдешь въ долину, то ужь за горами,
То вокругъ лѣсъ темный, то златая нива...
Взоромъ услѣдишь-ли за твоимъ изгибомъ?
Радость или горе ждетъ меня—не знаю,
И по той дороженькѣ я иду—гадаю.

ИЗЪ НАРОДНЫХЪ МОТИВОВЪ.

И свободной, и веселой
Пѣсенкой зальюся;
Въ пѣснѣ радость, въ пѣснѣ счастье—
Выйди, другъ Маруся!

Мы вдвоемъ съ тобою въ поле
Далеко уйдемъ,
Тамъ средь воли и простора
Пѣсенку споемъ.

Въ этой пѣснѣ лишь два слова
Я скажу тебѣ:
Эй, не бойся, другъ Маруся,
И довѣрься мнѣ.

Твою грусть, твои заботы
Пѣсней я развѣю;
Вѣрь, мой другъ, моя Маруся,
Пѣсни пѣть умѣю.

Лишь ударю по струнамъ я—
Струны отзовутся,
И свободной пѣсни звуки
На просторъ польются.

Я спою, какъ вѣтеръ буйный
Съ лѣсомъ побранился,
Налетѣлъ онъ съ вихремъ, бурей—
Лѣсъ не повалился.

И теперь стоитъ угрюмый,
Лишь шумитъ листвою,
Будто манитъ вѣтра злаго
Снова выйти къ бою.

Я спою тебѣ, какъ пташка
Гнѣздышко свивала,
Все заботилась, бѣдняжка,
Перья все таскала...

Налетѣла злая буря,
Дерево свалила
И у пташки, у бѣдняжки,
Гнѣздышко разбила.

Много пѣсенъ, много сказокъ
Я спою на волѣ;
Выйди, выйди, другъ Маруся,
Только выйди въ поле!

ПРОРОКЪ.

I.

Вздымаются волны какъ горы,
Трещатъ и скрипятъ корабли,
Безполезные слышны укоры
И отъ страха туманные взоры
Обращаются къ темной дали.

Но вся даль застилается мглою,
Море бурное неба чернѣй...
Скоро волны покончатъ съ ладьею,
Обезсиленной долгой борьбою,
Не уйти отъ погибели ей.

Вотъ и сзади валы набѣгаютъ,
Бьютъ сѣдые и въ носъ, и съ боковъ,
Словно съ корнемъ дубы вырываютъ
И въ кипящія бездны бросаютъ
Снасти, мачты—и нѣтъ парусовъ.

А когда, выходя изъ залива,
Вдаль за счастьемъ погнались они,
Имъ привѣтно шумѣла олива
И такъ чудно, спокойно красива
Вся природа была въ эти дни.

И такъ тихо кругомъ колыхались
Тѣ же волны, что гибель имъ шлютъ,
И не разъ они въ море пускались,
И съ добычей домой возвращались,
И опасный былъ радостенъ трудъ.

Но теперь не спасутъ ихъ моленья,
Ни умѣнье матросовъ лихихъ:
Ихъ караетъ рука Провидѣнья,
Не сошлютъ небеса имъ спасенья,
Не увидѣть имъ близкихъ своихъ.

Безполезна съ стихійною силой,
Съ мощной бурей безцѣльна борьба
И не спать подъ землею имъ милой:
Море будетъ холодной могилой,
Такъ сурово рѣшила судьба.

II.

Какъ море грозное кипѣла,
Толпа рвалась, толпа шумѣла.
Кругомъ враги и отъ войны
Поля давно обнажены.
Окрестъ разрушены селенья
И ни откуда нѣтъ спасенья.
Избито множество людей,
Увелъ врагъ женъ и матерей,
Богатства отнялъ, хлѣбъ и скотъ
И обѣднѣлъ кругомъ народъ.
Не разъ бросался онъ съ мольбой
Къ богамъ смущенною толпой,
Кумировъ самъ себѣ создалъ,
Отъ нихъ чудесъ напрасно ждалъ —
Но такъ же скорбно дни текли,
Мученья, бѣды ихъ—росли.
Избѣгнуть гибельной судьбы

Не помогли имъ ихъ мольбы.
Исполненъ праведнаго гнѣва,
Богъ посылаетъ кары съ неба;
Объятый ужасомъ народъ
Ужь больше милости не ждетъ,
А молитъ только Провидѣнье
На мигъ ослабить имъ гоненья,
На мигъ имъ бѣды облегчить
И ихъ страданья уменьшить.
Стенанья, вопли—все напрасно:
Какъ прежде, солнце свѣтитъ ясно
И золотистый снопъ лучей
Льетъ такъ же ровно на людей,
Какъ льетъ на море и на горы.
И вдаль, куда ни кинуть взоры,
Все солнцемъ сплошь озарено
И зноемъ жаркимъ сожжено.
Не зная, какъ избѣгнуть рока,
Толпа стеклась молить пророка,
Чтобъ онъ гнѣвъ Божій отвратилъ,
Покой странѣ ихъ возвратилъ.
И вотъ идетъ онъ къ нимъ, угрюмый,
Весь полонъ мрачной, желчной думой.
Онъ знаетъ, ждетъ его народъ,
О ихъ грѣхахъ молить зоветъ—
И онъ имъ скажетъ безъ боязни,

За что Богъ съ неба шлетъ имъ казни,
И словомъ праведнымъ своимъ
Всѣ ихъ грѣхи откроетъ имъ.
Покорный высшему велѣнью,
Онъ поведетъ толпу къ спасенью.
И мысль въ немъ мощная бродила,
И неземная была сила
Въ томъ взглядѣ грозномъ, огневомъ,
Въ движеньяхъ, поступи... во всемъ.
Съ толпою яростной сразиться—
Не то ли, что съ стихіей биться?
«Быть можетъ, жизни я лишусь,
Но волѣ Бога покорюсь.
Съ молитвой въ этотъ мигъ опасный
Иду къ толпѣ спокойный, ясный».
Такъ думалъ онъ, а—вся въ волненьи
Толпа давно пришла въ движенье,
Горя скорѣй услышать снова
Пророка искреннее слово.
И началъ онъ:

III.

«Скажите, мужи Іудеи,
Зачѣмъ отъ Канны, Галилеи
Толпой стеклися вы сюда?
Зачѣмъ меня къ себѣ зовете,
Когда должны быть на работѣ,
Не отдыхая отъ труда?

«Я знаю: бѣдъ вы испугались,
Хоть отъ грѣховъ не отказались,
И небо молите вамъ дать
За ваши низости людскія,
За извращенія плотскія
Съ небесъ Господню благодать.

«Но отвѣчайте, мужи свѣта!
У васъ теперь прошу отвѣта,
Къ вамъ обращая рѣчь свою.
Вотъ что сказалъ Господь всесильный,
Любовью, мудростью обильный,
Господь, котораго люблю.

«Я пѣснь вамъ, мужи, воспою,
Ту пѣснь завѣтную мою,
О виноградникѣ моемъ:
Я землю лучшую сыскалъ,
Ту землю самъ не разъ вспахалъ,
Глубокій сдѣлалъ водоемъ,

«Лозъ плодоносныхъ посадилъ,
Оградой прочной оградилъ,
И доступъ сдѣлалъ для воды,
И думалъ: скоро сборъ придетъ,
Онъ спѣлыхъ ягодъ принесетъ,
Награда будетъ за труды.

«Но нынѣ, мужи, разсудите,
Отвѣтъ свой праведный скажите:
Онъ мнѣ плодовъ своихъ не далъ,
Погибли, ссохлись мои лозы,
Завяли мирты, астры, розы,
Напрасно землю я пахалъ!

«Не все-ль я сдѣлалъ для него?
Скажите, мужи, отчего
Онъ не далъ мнѣ своихъ плодовъ?
Я сбора долго, долго ждалъ,
Но ягодъ спѣлыхъ не видалъ,
Хоть изнемогъ я отъ трудовъ.

«Теперь срублю я водоемъ,
Снесу ограду, стѣны въ немъ
И повелю я небесамъ,
Чтобъ тучъ туда не посылали,
И тамъ дождей не проливали,
И да погибнутъ лозы тамъ.

«Не такъ-ли вы, о мой народъ?
Господь отъ васъ лишь правды ждетъ,
А не забыли-ль вы Его?
И вотъ, послалъ Онъ вамъ войну,
Пошлетъ и голодъ на страну,
Коль не познаете Его.

«Вы возгордилися душей;
Съ безстыдной, грѣшною красой
Тамъ гордо ходятъ ваши дѣвы,
Рождаютъ грязныя мечты
Ихъ сладострастныя черты
И ихъ безстыдные напѣвы.

«Я посрамлю, сказалъ Господь,
Я язвой имъ покрою плоть,
Падутъ ихъ пышные власы,
И нечѣмъ будетъ имъ покрыться,
И всюду смрадъ распространится,
И обнажатся ихъ красы.

Гулъ голосовъ въ толпѣ раздался
И весь народъ заволновался:
Какъ! Вмѣсто милости, прощенья,
Господь прибавитъ имъ мученья,
Красы лишитъ ихъ дочерей,
Онъ обезчеститъ всѣхъ мужей
И за труды не дастъ имъ хлѣба!.
Жди справедливости у неба!..
Но какъ металлъ бьетъ о металлъ,
Такъ гласъ пророка зазвучалъ:

«Да, знайте, долго будутъ стоны,
И смерть, и гибель вкругъ Сіона.
Такъ судитъ Богъ правдолюбивый,
И всѣ вы, всѣ осуждены,
И жизни Богомъ лишены,
Народъ заблудшій и лѣнивый!

«И сколько дней вы ни молитесь,
И какъ душею ни смиритесь,
Вамъ не помогутъ всѣ мольбы;
Господь рѣшилъ—народъ, внемли—
Всѣхъ васъ стереть съ лица земли,
И не уйти вамъ отъ судьбы».

«Что говоритъ онъ? О, не вѣрьте!
Не избѣжать намъ страшной смерти?
На небѣ Богъ насъ всѣхъ проклялъ?
Враговъ и моръ на насъ послалъ?
И днесь пророкъ Его вѣщаетъ,
Что всѣмъ намъ жизнь Онъ отнимаетъ?
Мы жизнь свою не отдадимъ!
Еще поборемся мы съ Нимъ!
Завѣтъ и Скинію разобьемъ,
И всѣхъ людей Его побьемъ.
Кто, мужи, слѣдуетъ за мною»?
Народъ полилъ за нимъ волною:
Тотъ человѣкъ сказалъ всѣмъ имъ,
Чѣмъ каждый былъ въ душѣ томимъ.
Мечи и копья застучали,
Слова ругательствъ прозвучали,
И все слилось въ единый мигъ
Въ какой-то дикій, звѣрскій крикъ.
Все въ кучу яростно смѣшалось,
Все словно вдругъ заволновалось:
Пророкъ не вывелъ ихъ изъ бѣдъ.
«У Бога въ небѣ правды нѣтъ».
И разъярившійся народъ
Теперь людей Его побьетъ,
И мигъ одинъ—и мертвъ пророкъ
Лежитъ, растерзанный, у ногъ.

А также ровно и безстрастно
Сіяетъ съ неба солнце ясно,
Такъ безучастна и красива
Въ дали блистаетъ гладь залива.

A. H. T.

Къ ***

Ко мнѣ слетаетъ вдохновенье
Въ тиши, когда столица спитъ,
И съ моря вѣтра дуновенье
Неву спокойно шевелитъ;
Когда прозрачными ночами,
Сверкая черными очами,
Стоишь въ мечтахъ ты предо мной
И воздухъ упоенъ весной,—
Тогда пою я въ пѣсняхъ нѣжныхъ
И жаръ, и блескъ твоихъ очей,
И прелесть сѣверныхъ ночей,
И юный пылъ страстей мятежныхъ,
Ночей безсонныхъ бурный бредъ
И тѣхъ, кого ужь больше нѣтъ...

После долгой, мучительной ночи,
Когда ставни окна я открылъ
И на небо взглянулъ, то мнѣ очи
Свѣтъ румяной зари ослѣпилъ.

Такъ порой бѣдняка ослѣпляетъ
Неожиданный счастья приходъ,
И тогда онъ не видитъ, не знаетъ,
Куда счастье его поведетъ.

Къ ***

Мы сошлись и разстанемся снова,
Вы не будете вѣчно любить...
Красотою прельстивши другаго,
Постарайтесь меня позабыть.

И, какъ прежде, холодный, безстрастный,
Буду я средь толпы васъ встрѣчать
И, взирая на ликъ вашъ прекрасный,
Дни былые съ тоской вспоминать.

Я любилъ—бушевала горячая кровь,
Но съ годами она затихаетъ.
Пролетаютъ года, улетаетъ любовь
И на вѣки меня покидаетъ.

Что прошло—не вернуть, не вернуть и любви...
Но ты знаешь, въ тиши угасая,
На мгновенье одно оживаютъ огни,
Такъ печально и ярко сверкая.

И, быть можетъ, предъ смертью насмѣшкою
злой
Снова вспыхнетъ любовь предо мною;
Станетъ жаль мнѣ тогда разставаться съ
землей,
Разставаться съ любовью земною.

Когда, уставъ отъ жизни шумной,
Пустой, тяжелой и безумной,
Я захочу покончить съ ней—
Тогда, суровый и печальный,
На пиръ послѣдній, пиръ прощальный
Я созову моихъ друзей.

Подъ звуки музыки, веселья,
Подъ клики буйнаго похмѣлья,
Съ душою, темною, какъ ночь,
Съ душою, полною страданій,
Налью себѣ безъ колебаній,
Прогнавши страхъ далеко прочь,

Я въ кубокъ медленнаго яду
И выпью тихо, какъ отраду,
Темно-пурпурный сокъ его
Передъ красавицы портретомъ
Съ послѣднимъ словомъ и привѣтомъ
Больнаго сердца моего.

Ночь слетаетъ, меня окружаетъ
Свѣтлосѣрой прозрачною мглой;
Чей-то голосъ вдали напѣваетъ
Надъ уснувшею синей Невой.

Въ моей сумрачной кельѣ видѣнья
Появляются свѣтлой толпой;
Снова слышу я страсти томленья,
Снова вижу я ликъ дорогой,

Той, къ которой я долго стремился
Всѣми силами жизни моей,
На которую жарко молился
Среди свѣтлыхъ безсонныхъ ночей...

И картины одну за другою
Видѣлъ я въ возбужденномъ умѣ;
Снова жить и любить всей душою
Такъ безумно хотѣлося мнѣ.

Но ужь поздно... Холодной рукою
Смерть коснулася тихо меня
И все, дрогнувъ, покрылося мглою,
И тонула въ туманѣ земля.

Снѣгъ идетъ, покрывая собою
И лѣса, и аллеи садовъ;
Подъ пушистой его пеленою
Не увидишь ты лѣта слѣдовъ.

Но ты знаешь, что снѣгъ исчезаетъ
Подъ дыханьемъ могучимъ весны,
Что природа тогда оживаетъ,
Забывая про зимніе сны.

Такъ и сердце твое встрепенется
Подъ дыханіемъ страстнымъ любви,
И опять къ тебѣ счастье вернется,
И забудешь ты муки свои...

Туманная свѣтлая ночь настаетъ,
Настала пора отдохнуть;
Ужь легкая лодка у пристани ждетъ,
Я смѣло пускаюся въ путь.

Лечу я къ чертогу царицы моей...
Купаяся въ свѣтлыхъ водахъ,
Горя и сверкая отъ яркихъ огней,
Стоитъ онъ въ зеленыхъ садахъ.

Тамъ пиръ. Царедворцевъ блистательный рой
Къ царицѣ меня отведетъ,
Гдѣ гости сидятъ оживленной толпой
И говоръ веселый идетъ.

Царица на тронѣ сидитъ золотомъ
За убраннымъ пышно столомъ,
Съ улыбкою гордой на свѣтломъ лицѣ,
Въ горящемъ камнями вѣнцѣ.

Отважно въ роскошный чертогъ я войду,
Къ царицы ногамъ упаду—
И встанетъ царица, прекрасна, горда,
Какъ лучшая въ небѣ звѣзда.

И скажетъ она: я тебя избрала,
Ты будешь со мною царить;
Смотрите: державный вѣнецъ я сняла,
Ему на чело возложить.

Я сяду на тронѣ съ царицей моей,
Надѣвши вѣнецъ золотой;
Шумя и сверкая одеждой своей,
Преклонится все предо мной.

И съ новою силою пиръ закипитъ,
И рѣчи польются вольнѣй;
Торжественно музыка въ честь загремитъ
И мнѣ, и царицѣ моей...

Я снова гуляю съ тобою
Подъ тѣнью стариннаго сада,
И дышетъ въ лицо намъ прохлада,
И слышится пѣснь за рѣкою.

Могучія липы качаютъ
Своими густыми вѣтвями,
И звѣзды на небѣ сверкаютъ,
И мѣсяцъ встаетъ за горами.

Сегодня ночью ты слетѣла
Съ твоей небесной высоты
И про любовь такъ сладко пѣла
При блескѣ свѣтлой красоты.

Смутившись, слушалъ я тѣ звуки,
Любить, какъ прежде, я желалъ
И, полный страсти, полный муки,
О прошломъ горько я рыдалъ.

E. A. Φ.

DENT DU MIDI.

Was schwillt die Brust, was klopft das Herz?
Ist's neue Lust, ist's alter Schmerz?
Es ist ein Sehnen nie geahnt,
Es ist ein Bangen unbekannt,
Es ist das Sehnen, dem Vogel gleich
Zu jauchzen, zu singen im grünen Gezweig,
Es ist das Sehnen, der Nixe gleich
Zu träumen, zu singen am klaren Teich.
Doch, was bewegt ihr sehnend Herz?
Ist's fremde Trau'r, ist's eig'ner Schmerz?
Ist es das Sehnen der Creatur,
Das Bangen, Verlangen der Natur?
Wenn mild der Mond herunterscheint,
Die Alpenrose Perlen weint,
Das Edelweiss neigt das greise Haupt,
Der Fels steht einsam und beraubt,
Die Nixe weint, sie weint und singt,
Im stillen Thal' ihr Lied erklingt.
Ihr — gab Natur die Lieder klein
Zu legen ihr grosses Leid hinein,
Doch mir, ach mir, mir gab Natur
Die Lieder nicht, das Sehnen nur.

WIE HERRLICH IST DES DICHTERS LOOS!

Die Poesie, die hehre Göttin,
Mit ihres Stabes Zaubermacht,
Beschwört ein Traumbild nach dem andern
Aus alter Zeiten finstrer Nacht.

So schmiegt sich eine klare Perle,
Von zarter Frauenhand erfasst,
Gereiht auf schönem seid'nem Faden
Der andern lieblich angepasst.

А. Н. Б.

(Отвѣтъ на предъидущее стихотвореніе).

Но злобная рука иль опыта недугъ
Коснется-ль нити той, какъ осень цвѣта розы —
И съ шумомъ упадетъ, разсыпавшись, жемчугъ
И, дрогнувъ, улетятъ мечтанья, сны и грезы.
Какъ жалокъ жребій твой, восторженный поэтъ!

DER BOESE UND DER GUTE ENGEL.

(Aus dem Russischen von Maikoff).

Vor Edens Thor zwei Geister ringen,
Die Menschênseele ist der Lohn.
Wird es dem Cherubim gelingen
Zu bändigen des Chaos Sohn,
Den rothe Feuerglut umsprühet,
Hell leuchtend in dem Blau der Nacht,
Dess' Leib wie Höllenflamme glühet
So schrecklich, wie der Sünde Macht?

Doch wem tritt ab des Sieg's Trophäen,
Des Staubes Sohn, in seiner Brust?
Wird er die ew'ge Palm' erflehen?
Den sünd'gen Becher ird'scher Lust?
Dem Cherubim umglänzet helle
Die edle Stirn der Demuth-Kranz;
Doch ist so mächtig der Rebelle,
So furchtbar prächtig ist sein Glanz!

Aus dem Russischen von Lermontoff.
(Fr. Else Lingen gewidmet).

Wenn athmend leis' die Aehrenfelder wogen,
Der junge Wald im Morgenwind sich wiegt,
Und wenn von süssem Blumenduft umflogen
Die Pflaum' an's tiefe, dunkle Laub sich schmiegt;

Wenn goldner Morgen durch die schatt'gen Bäume,
Wenn ros'ger Abend auf die Wiesen blickt,
Und wenn, gewiegt von lichten Frühlingsträumen,
Das weisse Glöckchen freundlich sinnend nickt;

Und wenn der kühle Bach vom Felsen springet,
Das Leben um mich her im Traum versinkt,
Sein heimlich-lispelnd Lied die Sage singet
Des friedlich, stillen Thal's, dem er erspringt, —

Dann glätten sich der Stirne finstre Falten,
Ich fühle neues, nie geahntes Glück.
Dann sehe ich des Herren freundlich Walten,
Nach oben richtet sich verklärt der Blick.

O glaube nur dem eig'nen Herzen
Und traue nicht der Menschen Wort.
Es kann der Tod nicht Alles enden,
Das Leben dauert ewigt fort.

Das sagt dir jeder heit're Morgen,
Der Abend sagt's in seiner Pracht;
Das sagt dir jedes Sternes Leuchten,
Der Mondschein sagt's im Blau der Nacht.

Das sagt dir jeder junge Frühling ,
Der neu die Erd' mit Blumen schmückt,
Der neue Hoffnung giebt und Sehnen,
Das Herz mit neuer Freud' beglückt.

Das sagt dir jedes Herzens Pochen,
Das sagt dir jeder Athemzug,
Das sagt dir jede grosse Seele,
Das sagt dir jeder Geistesflug.

O wenn ein Geist beseelen könnte
Die Stimme mir, dies ein'ge Wort:
Es kann der Tod nicht alles enden,
Das Leben dauert ewigt fort.

AN EINEN BERG IN DER SCHWEIZ.

(Dent du Midi).

Als in den lichten, blauen Aether ragend,
Mein trunk'ner Blick zum ersten Mal dich sah,
Des Schnee'es Hermelinenmantel tragend,
Von Sonnengold durchwirkt, so prächtig standst du da.

Da fasste unaussprechlich Sehnen
Die ganze Seele mir;
Es lockt' mit mächt'gen Zaubertönen
Auf Bergeshöhn zu dir.

Und als ich mich an wilde Felsen lehnte,
Ein Wolkenmeer zu meinen Füssen schlief,
Tief unter mir das grüne Thal sich dehnte,
Ich Bergesluft einathmete so tief, —

Da füllte neues reiches Leben
Die müde Seele mir.
Das hast du, schöne Schweiz gegeben,
Dies Leben dank ich dir.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

А. Н. Б.

Д. В. В.

Б. В. Н.

Г. А. Р.

Н. Н. С.

А. Н. Т.

Э. А. Ф.

